

БИБЛІОТЕЧКА ЖУРНАЛА „ИГРУШЕЧКА“.

ТОМЪ X.

ДИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Съ 32 рис. на отдѣльныхъ стран. и въ текстѣ.

СОСТАВИЛЪ
Д. А. КОРОПЧЕВСКІЙ.

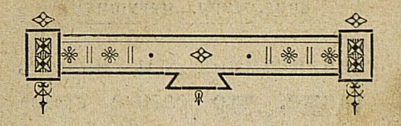
Изданіе журнала „Игрушечка“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

Дозволено цензурою. СПБ. 22 [illegible] 1898 г.

Типогр. Министр. Путей Сообщ.
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка,
117.

I.

Дикари дальняго острова.

Мы знаемъ теперь, что наши предки въ очень далекія времена жили въ пещерахъ и шалашахъ и питались мясомъ дикихъ животныхъ, которыхъ они убивали каменными топорами или копьями и стрѣлами съ каменными на-

*

нечниками. Мы знаемъ также, что самые древніе люди нашей части свѣта были свирѣпѣе на видъ, коренастѣе и, можетъ быть, волосастѣе насъ. Мы легко можемъ представить себѣ, какъ они, почти неодѣтые или едва прикрытые звѣриными шкурами, рыскали по лѣсамъ и лугамъ за поискомъ добычи и вечеромъ, собравшись у костра, подкрѣплялись мясомъ убитыхъ животныхъ и раз-

сказывали другъ другу то, что съ ними случилось за этотъ день. Но въ этихъ картинахъ, которыя намъ рисуетъ воображеніе, многое можетъ оказаться невѣрнымъ или неполнымъ. Сколько бы мы ни раскапывали ихъ пещеръ и другихъ жилищъ на землѣ и на водѣ, сколько бы ихъ вещей мы ни находили при этихъ раскопкахъ, жизнь нашихъ далекихъ предковъ все-таки остается темной для насъ. Къ счастью,

теперь, на нашихъ глазахъ, въ другихъ частяхъ свѣта все еще живутъ люди въ пещерахъ и шалашахъ, почти обнаженные, обходясь съ помощью топоровъ, ножей и наконечниковъ копій изъ кремня. Къ нашему удивленію, гдѣ бы ни жили эти люди, которыхъ мы называемъ дикими, охотничье оружіе и домашнія орудія ихъ замѣчательно сходны съ каменными топорами и пр., которые попадаются у

насъ вмѣстѣ съ костями самыхъ древнихъ людей. Они и теперь еще работаютъ такими же топорами, какими рубили и обтесывали деревья древніе жители Европы. У нихъ такіе же каменные наконечники копій и стрѣлъ, какъ были у самыхъ дальнихъ предковъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ. Они точно такъ же ходятъ безъ одежды въ жаркое время и въ холодное прикрываются шкурами звѣ-

рей, сшитыми каменными или костяными иглами. И живутъ они въ пещерахъ вездѣ, гдѣ ихъ можно найти, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ,—въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей. У нихъ нѣтъ ни домашнихъ животныхъ, ни хлѣба, посѣяннаго на обработанной землѣ: они питаются только охотой на лѣсныхъ или луговыхъ звѣрей и сборомъ дикихъ плодовъ и кореньевъ. Мало того, черепа нѣкоторыхъ дикихъ

племенъ даже походятъ на черепа самыхъ древнихъ людей Европы. Нельзя думать, что эти древніе люди были одного племени или одной крови съ нынѣшними дикарями дальнихъ частей свѣта, но всетаки въ жизни тѣхъ и другихъ было много сходнаго. Поэтому то, что осталось неизвѣстнымъ для насъ въ житьѣ-бытьѣ нашихъ древнѣйшихъ предковъ, мы и теперь еще можемъ видѣть въ жизни

нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ насъ дикарей. Другими словами, чтобы понять, какъ жили древніе люди, которые въ Европѣ сражались съ звѣрями, которыхъ нигдѣ уже нельзя найти, намъ надо приглядѣться къ жизни дикарей такихъ отдаленныхъ частей свѣта, какъ, напр., Австралія.

Австралія — огромный островъ, лежащій въ Тихомъ океанѣ, почти на противоположной отъ насъ

сторонѣ земного шара. Она лежитъ отъ насъ такъ далеко, что нужно больше мѣсяца скорой ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, чтобы добраться до нея. Она гораздо ближе къ Азіи и даже, когда нибудь, вѣроятно, была соединена съ нею. Но это было очень давно, еще раньше того времени, когда въ нашей Европѣ жили мамонты и носороги. Съ тѣхъ поръ Австралія была точно от-

рѣзана отъ всего свѣта. На другихъ материкахъ происходили разныя перемѣны: одни животныя вымирали, и на смѣну имъ являлись другія; одни растенія давали мѣсто другимъ. Мѣнялись и люди, появляясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде не было, становясь образованнѣе, переходя отъ охоты къ скотоводству и земледѣлію. А Австралія все оставалась такою же, какою была послѣ того, какъ

сдѣлалась островомъ. Такихъ крупныхъ и такихъ хищныхъ звѣрей, какіе жили когда-то въ Европѣ и какіе и теперь еще живутъ въ сосѣдней съ нею Азіи, въ ней, правда, не водилось: звѣри ея были мелки и не опасны въ сравненіи съ ними. Но они были еще старше ихъ: такіе звѣри жили на землѣ, когда не было ни мамонтовъ, ни львовъ, ни тигровъ. Въ другихъ странахъ звѣри болѣе крупные

и хищные выжили, истребили ихъ, а въ Австраліи такихъ опасныхъ враговъ у нихъ не было, и они дожили до нашего времени. Эти звѣри очень странные на видъ: прыгающія на длинныхъ заднихъ ногахъ двуутробки, утконосъ и эхидна съ птичьимъ клювомъ и т. п. Даже деревья тамъ не такія, какъ въ другихъ странахъ—высокія, съ гладкими стволами и мелкими листьями, поставленными ребромъ такъ,

что они почти не даютъ тѣни. Эти лѣса — рѣдкіе, свѣтлые, но тамъ есть и кустарники, которые растутъ такъ плотно и такъ переплетаются между собою, что сквозь нихъ трудно пробраться даже съ помощью топора и огня. И среди этихъ странныхъ животныхъ и растеній съ незапамятныхъ времени жилъ человѣкъ.

Нельзя думать, чтобы онъ жилъ тамъ съ самаго начала, т. е. съ тѣхъ поръ,

какъ Австралія сдѣлалась островомъ. Онъ перешелъ туда позднѣе, но когда именно и откуда—мы этого не знаемъ. Это все-таки было давно, потому что сосѣдніе народы, даже и дикіе, больше ихъ знаютъ и искуснѣе ихъ во всѣхъ ремеслахъ; слѣдовательно, австралійцы пришли въ свою нынѣшнюю страну еще тогда, когда ихъ болѣе образованные сосѣди не придумали сами или не переняли у другихъ

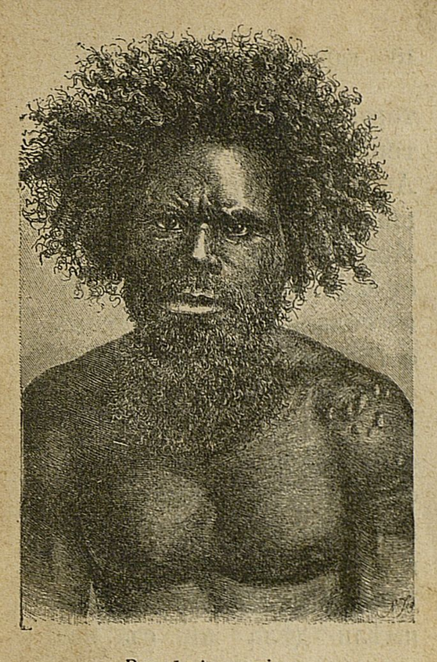

Рис. 1. Австраліецъ.

того, что знаютъ и умѣютъ теперь. Жители восточной Азіи и островокъ, лежащихъ между нею и Австраліей, плавали на своихъ судахъ далеко по океану и селились на другихъ островахъ его, но въ Австралію заѣзжали рѣдко и не оставались тамъ: страна эта казалась имъ бѣдной и пустынной, въ которой имъ нечего было взять. Такъ австралійскіе дикари и жили одни, не имѣли дѣла ни съ какими другими народами.

Имъ не приходилось бороться съ такими страшными звѣрями, какіе водились въ Европѣ при самыхъ древнихъ людяхъ. И травоядныя, и хищныя животныя, которыя тамъ жили, были не крупны и не опасны для человѣка. Ему не трудно было справляться съ ними, но легкость этой борьбы была ему не къ добру. Защищаясь отъ страшныхъ, свирѣпыхъ хищниковъ и охотясь за большими тра-

воядными, древній человѣкъ въ Европѣ, чтобы одолѣвать ихъ, постоянно улучшалъ свое оружіе и придумывалъ разные способы побѣждать ихъ хитростью, когда нельзя было сдѣлать это силою. Людей учитъ нужда: необходимость всегда быть на-сторожѣ, постоянно отстаивать свою жизнь — пріучила древняго европейца къ смѣлости, находчивости и изобрѣтательности. Австралійцамъ не приходилось

опасаться за свою жизнь, и они только охотились за двуутробками, ради ихъ мяса. Когда мяса у нихъ не было, они питались всѣмъ, чѣмъ попало—сѣменами и кореньями, кузнечиками, даже пресмыкающимися и гусеницами. Въ то время, когда мужчины охотились или ловили рыбу, женщины и дѣти собирали въ лѣсу все, что имъ попадалось съѣдобного, какъ мы собираемъ ягоды и грибы. Если гдѣ

нибудь попадалась пещера, австралійцы поселялись въ ней. Жизнь ихъ была самая скудная, но они не могли ее улучшить: въ ихъ странѣ не было животныхъ, которыхъ они могли бы приручить, и, за исключеніемъ дикаго овса, не было растеній, которыя можно было бы сѣять. Но сами они не додумались до земледѣлія, а перенять его имъ было не у кого. Такъ жили они съ самыхъ давнихъ вре-

менъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не открыли европейцы, лѣтъ триста съ небольшимъ тому назадъ. Эта жизнь должна была во многомъ походить на жизнь нашихъ отдаленныхъ предковъ, когда въ Европѣ было жарко и въ ней водились огромныя травоядныя и хищныя.

Австралійцы всего больше любили жить въ пещерахъ, гдѣ они были вполнѣ защищены отъ зноя и отъ дождя. Тамъ, гдѣ не было

пещеръ, они строили себѣ шалаши изъ древесныхъ вѣтвей или просто пригибали къ землѣ вѣтви куста и прятались подъ нихъ. Они умѣли разводить огонь тренiемъ палочки о кусокъ твердаго дерева. Они прикрывались только звѣриной шкурой, которую прикрѣпляли къ поясу, вродѣ передника. Для тепла въ холодное или дождливое время имъ служили мѣховыя накидки, которыя сшивались иногда

изъ ровно обрѣзанныхъ, въ видѣ четыреугольника, шкурокъ мелкихъ породъ двуутробки. Шкурки эти даже разрисовывались узорами, но очень простыми, въ видѣ прямыхъ и волнистыхъ линій. Австралійцы не прочь были разукрасить рисунками и стѣны своихъ пещеръ, но рисунки эти очень плохи—не лучше, чѣмъ рисуютъ у насъ маленькія дѣти. Ихъ нельзя и сравнивать съ рисунками и рѣзьбою древ-

нѣйшаго человѣка въ Европѣ.

И оружіе ихъ хуже, чѣмъ у него. Оно также изъ дерева и камня, но больше изъ дерева, чѣмъ изъ камня. Оно состоитъ изъ палицъ, вырѣзанныхъ изъ толстаго сука или изъ корневища, т. е. длинныхъ рукоятокъ съ утолщеніемъ на одномъ концѣ. Правда, австралійцы ихъ отдѣлывали, придавали утолщенію правильную форму и покрывали его простымъ

рѣзнымъ узоромъ. У нихъ были длинныя и короткія палицы; послѣднія они бросали на большія разстоянія. На охотѣ и на войнѣ они употребляли еще длинныя копья, заостренныя на огнѣ, иногда усаженныя на концѣ осколками кремня. Кромѣ того, они бросали копья вдаль съ помощью дощечки (вамера) и бросали еще на дальнія разстоянія большой кусокъ дерева, согнутый въ видѣ дуги

(бумерангъ). Они пользовались также луками и стрѣлами. Но, повидимому, имъ можно было обходиться деревяннымъ оружіемъ, потому что у нихъ не было ни боевыхъ молотовъ и топоровъ, ни даже каменныхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ, за исключеніемъ небольшихъ осколковъ, о которыхъ мы говорили. Грубо обтесанные каменные топоры употреблялись ими только для простыхъ сто-

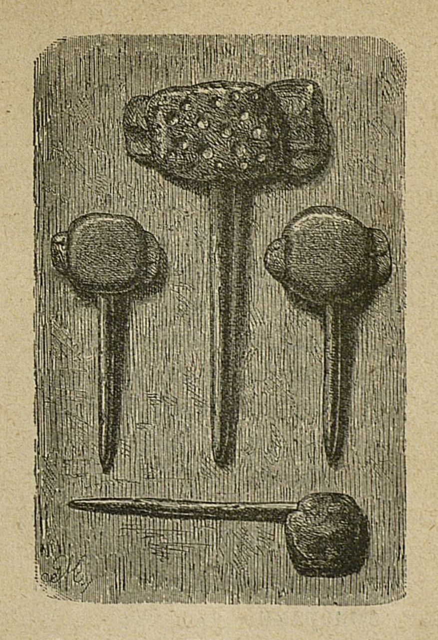

Рис. 2. Австралійскіе каменные топоры.

лярныхъ работъ—для обдѣлки палицъ, бумеранговъ и пр., а иногда и для выдалбливанія челноковъ, которые сперва выжигались, чтобы съ ними меньше было работы. Топоры привязывались къ рукояткѣ лыкомъ или вгонялись въ отверстіе, сдѣланное въ ней, и прикрѣплялись смолой. Нечего и говорить, какъ непрочно такое прикрѣпленіе и какъ трудно работать такими топорами.

Австралійцы не знали и глиняной посуды, какая была у нашего древняго человѣка. Зато они умѣютъ плести корзины, въ которыхъ даже держится вода. Горшки имъ были бы не такъ удобны, потому что имъ часто приходится переходить съ мѣсто на мѣсто и нести съ собою весь свой скарбъ. Имущество цѣлой австралійской семьи могло уложиться въ небольшой плетеный мѣшокъ. Въ

немъ были только плоскіе камни для топоровъ, раковины съ острыми краями, служившія вмѣсто ножей, жилы и лыко для привязыванія топоровъ, смола для прикрѣпленія осколковъ кремня къ копьямъ и стрѣламъ, и куски дерева для добыванія огня. Но это добываніе требовало большого труда, и австралійцы старались, чтобы огонь не потухалъ у нихъ даже на ходу: для этого они несли головни

и постоянно разжигали новыя. Это должны были дѣлать женщины, отъ которыхъ требовалось, чтобы онѣ постоянно поддерживали огонь, не давали ему гаснуть. Онѣ же несли и мѣшки съ утварью и запасами, и щиты, сплетенные изъ вѣтвей, которые надо было только приставить другъ къ другу, или къ скалѣ, чтобы вышелъ шалашъ (вродѣ карточнаго домика).

Австралійцы жили семь-

ями, и нѣсколько семействъ, считавшихся въ родствѣ между собою, составляли племя. У каждаго племени было свое мѣсто для охоты, куда охотники изъ чужого племени не должны были заходить. Если это случалось, между племенами начиналась ссора, которая иногда оканчивалась войною. Враги сходились на открытомъ мѣстѣ и пускали другъ въ друга стрѣлы или копья, пока кто нибудь не падалъ

мертвый или раненый. Тогда обыкновенно схватка оканчивалась и заключался миръ. Ссоры, которыя также вели къ пролитію крови, происходили иногда изъ-за того, что австралійцы похищали силой дѣвушекъ изъ другого племени. По обычаю, имъ нельзя было жениться на дѣвушкахъ изъ своего племени, потому что всѣ въ одномъ и томъ же племени считались въ родствѣ между собою. Поэтому

они достаютъ невѣстъ насильно изъ чужихъ племенъ, подстерегая ихъ, когда онѣ остаются однѣ.

Женщинамъ у австралійцевъ вообще плохое житье. Попадая противъ воли въ чужую семью, онѣ должны дѣлать всю тяжелую работу—нести хижину и утварь, поддерживать огонь, готовить кушанье, беречь запасы, ходить за дѣтьми и исполнять всѣ приказанія мужа, который сурово и даже

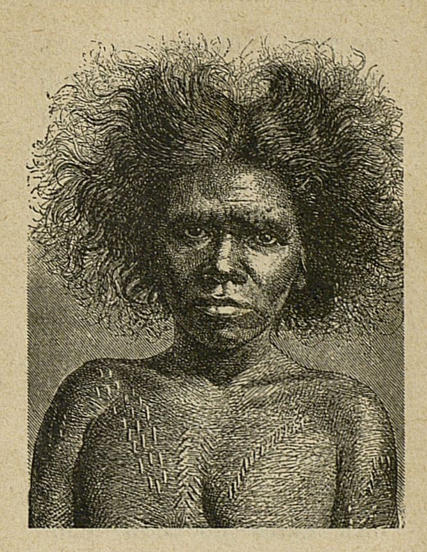

Рис. 3. Австралійка съ надрѣзами на кожѣ

жестоко обходится съ женой. Впрочемъ, дѣтей австралійцы любятъ, хотя не всѣхъ ихъ оставляютъ въ живыхъ.

Въ каждомъ племени есть свой начальникъ, который долженъ наблюдать за порядкомъ, чтобы все дѣлалось по обычаю, и никто никого не обижалъ. Онъ выбирается изъ стариковъ, но слушаютъ его только тогда, когда онъ самъ по себѣ человѣкъ умный и съ характе-

ромъ. Австралійцы иногда на крупную дичь охотятся по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, и потомъ добычу дѣлятъ поровну. Въ извѣстное время, когда бываетъ много дичи или когда поспѣваютъ сѣмена извѣстныхъ растеній, а также и въ полнолуніе, они сходятся цѣлымъ племенемъ, ѣдятъ, поютъ и пляшутъ. Для этихъ праздниковъ они расписываютъ себя разными красками — бѣлой, желтой или крас-

ной — по большей части, полосами поперекъ или вдоль тѣла. Они любятъ и другія украшенія: дѣлаютъ себѣ надрѣзы на груди и на плечахъ, которые, срастаясь, становятся выпуклыми рубцами, и носятъ ожерелья изъ раковинъ, пояса, сплетенные изъ травъ разныхъ цвѣтовъ и т. п. Они — не большіе мастера рисовать, но умѣютъ чертить на дощечкахъ или палочкахъ разные знаки и фигуры,

которые отчасти замѣняютъ для нихъ письмо.

Австралійцы очень суевѣрны и боятся злыхъ духовъ, которые чудятся имъ повсюду. Ихъ въ особенности пугаетъ темнота: ночью они ни за что не отойдутъ отъ костра, а если это необходимо, непремѣнно возьмутъ съ собой головню. Они боятся и мертвыхъ и никогда не произносятъ имени умершаго, котораго они знали. Имъ кажется, что чело-

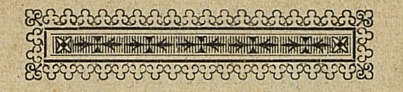
вѣкъ не можетъ умереть своей смертью: если его не убили на войнѣ, то, значитъ, его кто нибудь околдовалъ. Человѣка, который это сдѣлалъ, надо найти и наказать, а то душа умершаго будетъ всѣмъ вредить. Поэтому вся жизнь австралійца проходитъ подъ постояннымъ страхомъ колдовства и злыхъ духовъ. Они вѣрятъ и въ высшее божество, сотворившее міръ, но боятся его меньше, чѣмъ злыхъ духовъ.

На такомъ большомъ островѣ, какъ Австралія, жило много племенъ, которыя не всѣ были похожи другъ на друга, но, по большей части, австралійцы—темнаго, почти чернаго цвѣта, очень худощавы, съ курчавыми, всклокоченными волосами, сумрачными лицами отъ густыхъ бровей, которыя кажутся насупленными, и глубоко сидящихъ темныхъ глазъ.

Австралійцы, если бы

мы ихъ увидали, показались бы намъ странными и, пожалуй, безобразными на видъ, а нравы ихъ— грубыми и жестокими. Но ихъ нельзя назвать глупыми и неспособными. Они только слишкомъ долго жили одни, не видя другихъ людей, и когда къ нимъ попадали европейцы, имъ уже трудно было привыкать къ нашей жизни и къ нашимъ порядкамъ. Они и теперь не хотятъ этого дѣлать

и скрываются въ пустынныхъ мѣстахъ своего острова. Имъ трудно жить тамъ, и число ихъ все уменьшается. Они до сихъ поръ остаются настоящими дикарями, и поэтому такъ интересны для насъ: узнавая ближе ихъ жизнь, мы узнаемъ, какъ жилъ древній человѣкъ въ Европѣ, когда еще тамъ было тепло и водились животныя, которыхъ давно уже нѣтъ теперь.

II.

Жители обледенѣлыхъ странъ.

Мы можемъ видѣть также и въ наше время, каково живется человѣку въ лютомъ холодѣ, и можемъ судить, какъ жилось нашимъ предкамъ въ тѣ времена, когда въ Европѣ тепло смѣнилось холодомъ, и почти вся она, кромѣ

южной части, очутилась подо льдомъ. Для этого намъ надо поглядѣть на житье эскимосовъ въ Америкѣ, чукчей, камчадаловъ и др. въ Азіи или нашихъ лопарей и самоѣдовъ. Даже повѣрить трудно, чтобы человѣкъ могъ жить въ такой странѣ, гдѣ живутъ эскимосы: тамъ солнце зимою совсѣмъ не восходитъ по три, по четыре мѣсяца, не растетъ ни прута лѣса, нельзя сѣять никакого хлѣба и нечѣмъ питать-

ся, кромѣ рыбы и тюленины. Какъ жить въ холодной странѣ, гдѣ нѣтъ лѣсу ни для построекъ, ни для отопленія? А между тѣмъ люди тамъ живутъ и хотя терпятъ иногда отъ холода и голода, но не жалуются на это и не хотятъ уходить оттуда.

Они могутъ жить, лишь благодаря морю, Сѣверному океану, на берегахъ котораго ихъ только и можно встрѣтить. Это мо-

ре, хотя и студеное, покрытое сплошнымъ и плавающимъ льдомъ, такъ богато рыбою, тюленями, моржами, китами и т. п., что эскимосъ въ рѣдкихъ случаяхъ возвращается домой безъ добычи. Животныя эти даютъ ему все необходимое: они и кормятъ, и одѣваютъ, и освѣщаютъ его. Эскимосъ ѣстъ мясо тюленя сырымъ, только замороженнымъ, шьетъ себѣ одежду изъ его шкуры и въ долгую

зимнюю ночь работаетъ при свѣтѣ ночника изъ тюленьяго жира, растапливая на немъ же снѣгъ, чтобы имѣть воду для питья. Только тогда, когда тюлени или моржи не могутъ подойти къ берегу, изъ-за льдовъ, скопляющихся у береговъ, эскимосъ голодаетъ въ суровую зиму. Обыкновенно животныя, странныя на нашъ взглядъ, потому что они похожи и на звѣря, и на рыбу, попадаются тамъ

въ несмѣтномъ числѣ, въ особенности весною. То же можно сказать о рыбѣ, когда она идетъ въ устье рѣки, чтобы тамъ метать икру. Лѣтомъ эти холодные берега оживляются птицами, которыя, также неисчислимыми стаями, прилетаютъ туда выводить птенцовъ. Даже олени и лоси цѣлыми стадами приходятъ туда. Тогда солнце свѣтитъ, не закатываясь, даже и въ полночь, но оно все таки

не въ силахъ растопить ледъ и нагрѣть воздухъ такъ, какъ оно лѣтомъ нагрѣваетъ его у насъ. На пригоркахъ, обращенныхъ на полдень, показываются трава и цвѣты, потому что тамъ земля оттаиваетъ на аршинъ и больше. Въ это время все радуется и ликуетъ на берегу Ледовитаго моря. Но радости этой скоро наступаетъ конецъ. Уже въ августѣ становится холодно и идетъ снѣгъ.

Весь сентябрь похожъ на сумерки, а съ половины октября начинается длинная трехмѣсячная ночь. Солнце вовсе не показывается, и круглыя сутки блестятъ звѣзды на безоблачномъ небѣ, уступая только свѣту луны или сѣвернаго сіянія. Все живое тогда бѣжитъ оттуда, но человѣкъ не уходитъ. Онъ съ умѣлъ устроиться въ этихъ суровыхъ пустынныхъ мѣстахъ такъ, что бы не гибнуть отъ холода и голода.

Эскимосъ уходитъ тогда подъ землю: онъ вырываетъ яму, вродѣ норы, и ставитъ надъ ней крышу изъ китовыхъ или моржевыхъ реберъ, обтянутыхъ тюленьей кожей. Но въ этихъ подземныхъ жильяхъ душно и сыро. Эскимосы больше любятъ снѣговые дома, сложенные изъ снѣговыхъ глыбъ, вродѣ ледяныхъ „кабановъ“, какими у насъ набиваютъ погреба. Глыбы эти кверху съуживаются и кладутся такъ,

что выходитъ сводъ или куполъ. Стѣны внутри покрываются шкурами, чтобы тѣ не обтаявали отъ дыханія. При такой обивкѣ стѣнъ и, когда въ хижинѣ нѣсколько человѣкъ, тамъ не холодно. Эскимосъ грѣется теплой, мѣховой одеждой и обильной, жирной ѣдой. И рубашка, и шаровары, и чулки—все у него мѣховое. Выходя на улицу въ холодное время, онъ надѣваетъ сверху еще та-

кую же мѣховую одежду. Женщины и дѣти одѣты точно такъ же. Лѣтомъ эскимосы перебираются въ палатки, сдѣланныя изъ тюленьихъ шкуръ. Тогда, чтобы не мочить въ морѣ мѣховой одежды, они надѣваютъ сверху плащи изъ тюленьихъ кишокъ.

Челноки ихъ также сдѣланы изъ кожи. Одни изъ нихъ подлиннѣе и пошире, для нѣсколькихъ человѣкъ, а другіе, узкіе могутъ снести только од-

ного гребца. Гребутъ на этомъ маленькомъ челнокѣ однимъ весломъ съ расширеніемъ, вродѣ лопаты, на обоихъ концахъ. Онъ и сверху обтянутъ кожей; оставлено только небольшое отверстіе, въ которое можетъ сѣсть гребецъ. Нужна большая ловкость и привычка, чтобы управлять при сильномъ волненіи такимъ легкимъ челнокомъ. Малѣйшая оплошность, и лодка вмѣстѣ съ гребцомъ тотчасъ же

опрокидываются. Недаромъ говорятъ, что эскимосу для управленія лодкой нужно не меньше умѣнья сохранять равновѣсіе, чѣмъ канатному плясуну при хожденіи по канату. На этихъ челнокахъ эскимосы дѣлаютъ иногда дальнія поѣздки, не боясь ни бурь, ни крупныхъ морскихъ животныхъ, которыя однимъ ударомъ хвоста могутъ опрокинуть ихъ утлую ладью.

И въ темную зиму эскимосы не сидятъ неподвижно въ своихъ снѣговыхъ домахъ или землянкахъ: они далеко отъ дома уходятъ на лыжахъ, сдѣланныхъ изъ кожи и костей. Кромѣ того, они придумали сани для ѣзды по снѣгу и льду, и у нихъ есть домашнія животныя, которыхъ они запрягаютъ въ сани. Они не похожи на наши сани изъ дерева: полозья ихъ—изъ моржовыхъ или китовыхъ

реберъ, а сидѣнье сдѣлано изъ тюленьей или моржовой кожи. Собаки эскимосовъ — особой породы съ остренькой мордой и стоячими ушами, длинной шерстью и пушистымъ хвостомъ. Ихъ запрягаютъ штукъ по 12 въ однѣ сани; впереди всегда запряжена собака, которая умѣетъ отыскивать дорогу и понимать крики человѣка, сидящаго въ саняхъ, которыми онъ заставляетъ ее поворачивать, гдѣ

нужно, вправо или влѣво. Въ рукахъ у него длинная палка, и онъ ею подгоняетъ собакъ и не даетъ имъ сбиваться въ сторону. Собаки эскимосовъ очень выносливы: онѣ могутъ бѣжать почти цѣлый день, могутъ жить даже и въ холода на открытомъ воздухѣ и питаться мерзлой рыбой.

Чтобы не погибнуть отъ голода въ долгую, суровую зиму, когда море на большое разстояніе отъ

берега покрыто льдомъ, эскимосъ долженъ дѣлать себѣ запасы на зиму весною и лѣтомъ. Его кормитъ море, и ему надо было придумать, какъ добывать крупныхъ звѣрей и рыбъ, которыя водятся въ Ледовитомъ океанѣ. Для этого ему надо было выдумать охотничье оружіе и рыболовныя снасти изъ тѣхъ матеріаловъ, какіе у него подъ рукою. Дерева, какъ мы знаемъ, у него нѣтъ: онъ видитъ его толь-

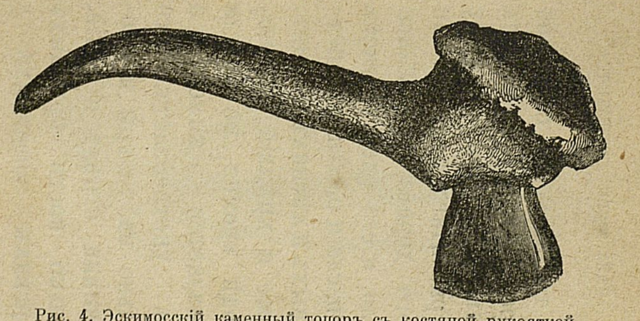
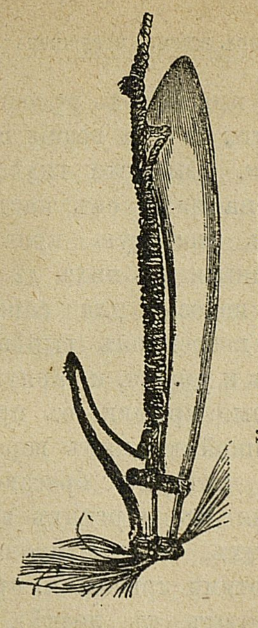

Рис. 4. Эскимосскій каменный топоръ съ костяной рукояткой.

ко тогда, когда случайно море выкинетъ на берегъ плавучій стволъ или доску съ разбитаго корабля. Но этого дерева приносится мало, и его едва хватаетъ на весла и обрѣшетку земляныхъ и лѣтнихъ хижинъ. Даже и крѣпкій камень, вродѣ кремня, не всегда попадается эскимосу, и онъ употребляетъ его только на топоры и оконечники стрѣлъ и копій. Только кости крупныхъ морскихъ животныхъ у

Костяная удочка эскимосовъ.

него всегда подъ рукою и годятся ему на всякія подѣлки. Мы уже видѣли, что на нихъ онъ настилаетъ кожаную кровлю хижины и изъ нихъ дѣлаетъ полозья для саней. Изъ костей онъ вырѣзываетъ и удочки, и гарпуны (острые крючки, съ привязанной къ нимъ веревкой, которые бросаютъ издали въ морскихъ животныхъ, и, зацѣпивши ихъ этими крючками, притягиваютъ къ лодкѣ), и

остроги (копья съ зазубринами), и оконечности стрѣлъ. Изъ кусковъ кожи, связывая ихъ другъ съ другомъ, онъ дѣлаетъ и луки. Привыкши все дѣлать изъ кости, эскимосы дошли въ этой работѣ до большого мастерства. Правда, и кости, изъ которыхъ, они выдѣлываютъ свои издѣлія, очень хорошаго качества; по большей части, это—моржовые клыки, замѣняющіе и въ нашихъ подѣлкахъ слоновую кость.

*

Но все таки эскимосы дошли до такого искусства въ рѣзьбѣ, что имъ нельзя не удивляться. Они вырѣзываютъ изъ кости цѣлыя картины, чаще всего сцены охоты на тюленей, моржей и китовъ. Эти рисунки напоминаютъ мамонтовъ, оленей и лошадей, которыхъ, также на кости, вырѣзывалъ древній человѣкъ въ Европѣ, жившій тамъ въ древнемъ каменномъ вѣкѣ. Но старинные европейскіе художники

были искуснѣе эскимосовъ: ихъ рисунки изящнѣе и живѣе.

Мы разсказываемъ объ эскимосахъ только для того, чтобы можно было понять, какъ человѣкъ можетъ уживаться въ лютомъ холодѣ, гдѣ даже нѣтъ лѣсу для постройки хижинъ и отопленія, гдѣ почти полгода потемки или сумерки, и земля чуть не цѣлый годъ покрыта снѣгомъ или льдомъ. Зная, какъ живутъ эскимосы,

мы можемъ представить себѣ, какъ жили древніе люди въ Европѣ въ то старое время, когда она была подъ льдомъ. Но мы еще лучше можемъ видѣть, какъ они жили, когда взглянемъ на житье сибирскихъ инородцевъ. Не всѣ они живутъ на берегу Ледовитаго океана. Нѣкоторые изъ нихъ поселились на берегахъ рѣкъ уже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ лѣса. Именно своими жилищами, одеждою и пра-

вами они должны быть всего болѣе сходны съ древними людьми ледянаго вѣка въ Европѣ, потому что эти люди точно также жили не на берегу моря, а внутри страны, гдѣ были лѣса и водились лѣсныя животныя.

Сибирскіе инородцы, которыхъ русскіе называютъ такъ потому, что они не нашего, а чужого племени или рода, живутъ на сѣверной окраинѣ Сибири. Къ нимъ принадлежатъ

чукчи, тунгусы, юкагиры, якуты, остяки, самоѣды и пр. Самоѣды живутъ и въ Архангельской губерніи и пріѣзжаютъ по зимамъ въ Петербургъ, со своими оленями и чумами, т. е. зимними палатками. Кто видалъ ихъ, тотъ можетъ имѣть понятіе и о другихъ сѣверныхъ инородцахъ: всѣ они желтоваты, скуласты, съ узкими глазами и черными волосами. Конечно, они могутъ казаться похожими другъ

Рис. 6. Стоянка самоѣдовъ.

на друга только съ перваго взгляда. Приглядѣвшись къ нимъ, мы видимъ и разницу между ними. Но у нихъ много сходнаго не только въ лицѣ, но и въ одеждѣ, въ образѣ жизни, обычаяхъ и пр. Это зависитъ отъ того, что они живутъ въ странахъ, похожихъ другъ на друга, холодныхъ, темныхъ по зимамъ, гдѣ можно кормиться только охотой и рыбной ловлей и держать, кромѣ собакъ,

только одно домашнее животное—сѣвернаго оленя. Это животное довольствуется мохомъ, и того ему не надо запасать на зиму: оно откапываетъ его само изъ-подъ снѣгу. Тамъ, гдѣ много этого корма, инородцы держатъ большія стада оленей: они ѣздятъ на нихъ, питаются ихъ мясомъ и пользуются ихъ шкурами для одежды и покрышки своихъ чумовъ. Приручивъ оленя, сѣверные народы сдѣлали

больше древнихъ людей, которые не дошли до этого, но сама жизнь древняго человѣка въ то время, когда Европа была покрыта льдомъ, была похожа на жизнь сибирскихъ инородцевъ. Въ такомъ холоду, въ какомъ приходилось тогда жить ему и въ какомъ и теперь живутъ сибирскіе инородцы, всѣмъ живется одинаково. Даже и образованные европейцы, попадая въ эти края, носятъ

такія же мѣховые одежды, какъ эскимосы, питаются рыбой и тюленьимъ мясомъ, ѣздятъ на собакахъ и проч. Поэтому, узнавъ жизнь сибирскихъ инородцевъ, мы узнаемъ жизнь и древнихъ обитателей Европы въ холодное время ея.

Мы видѣли, какъ одѣваются эскимосы. Въ томъ же родѣ и одежда чукчей, остяковъ, самоѣдовъ и пр. Одежду инородца можно назвать мѣховымъ кафта-

номъ съ надѣтой сверхъ его шубой. Шуба дѣлается до земли или только до колѣнъ и дѣлается двойною: два оленьихъ мѣха прикладываются другъ къ другу мездрою и сшиваются такъ, что шерсть остается и снаружи, и внутри. На ноги надѣваются мѣховые чулки, соединенные съ шароварами, а сверхъ чулокъ мѣховые же сапоги до колѣнъ или выше. На головѣ надѣта мѣховая шапка. У мужчинъ и женщинъ

одежда почти одинаковая; только у женщинъ она дѣлается съ разными вышивками и оторочками. Мѣха для одеждъ они приготовляютъ довольно искусно давно извѣстными имъ способами, которыми пользовался, вѣроятно, и древній человѣкъ въ Европѣ. Они выскребаютъ шкуры съ внутренней стороны кремневыми скребками, вдѣланными въ деревяшку. Уже отъ этого кожа дѣлается мягче.

Потомъ они натираютъ ее яичнымъ желткомъ, оленьимъ мозгомъ и т. п., свертываютъ и кладутъ подъ сидѣнье или въ головы вмѣсто подушки. Отъ тепла шкура становится еще болѣе гибкой. Такъ же хорошо умѣютъ они обдѣлывать кору. Она идетъ у нихъ на покрышку шалашей, и, кромѣ того, они изготовляютъ изъ нея сумки, колчаны и пр.

Мѣха для внутренней одежды и для оторочекъ,

а иногда и для наружныхъ шубъ, достаются имъ не отъ однихъ оленей. Всѣ эти народы, не исключая и оленеводовъ (разводящихъ оленей)—охотники. На берегу моря они охотятся за морскими животными (моржами, тюленями, бѣлыми медвѣдями, морскими птицами и рыбами), а внутри страны, въ лѣсныхъ мѣстахъ, — за „пушнымъ звѣремъ", лисицей, горностаемъ, соболемъ, куницей, бѣлкой и

пр. Эти мѣха и къ намъ приходятъ, по большей части, отъ сибирскихъ охотниковъ: съ тѣхъ поръ, какъ русскіе овладѣли Сибирью, инородцы вымѣниваютъ мѣха на нужныя имъ желѣзныя и др. вещи, и даже мѣхами платятъ подати.

Среди вещей, которыя инородцы покупаютъ у русскихъ, есть и ружья, но они все еще не оставляютъ своего стариннаго оружія—луковъ и стрѣлъ, и копій. Изъ своихъ боль-

шихъ луковъ (длиною въ сажень) они стрѣляютъ далеко и мѣтко. Наконечники стрѣлъ и копій теперь у нихъ желѣзные, а еще не такъ давно были каменные. Въ Сибири находятъ при раскопкахъ цѣлые склады каменныхъ топоровъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій и т. п., которые въ прежнія времена заготовлялись инородцами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть подходящій для этихъ орудій камень.

*

Сибирскіе народы теперь уже живутъ въ желѣзномъ вѣкѣ, но не всѣ они разомъ перешли къ нему отъ каменнаго вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ знали и сами добывали мѣдь. Въ Уральскихъ и Алтайскихъ горахъ сохранились такъ наз. „чудскія копи“ или рудники. „Чудью“ или „чужими“ русскіе называли въ старину инородцевъ нашего сѣвера.

Они переняли отъ русскихъ и постройку жи-

лищъ, и вездѣ, гдѣ есть лѣса, зимнія жилья строятся изъ бревенъ, хотя стѣны ихъ дѣлаются покатыми, напоминающими стѣны шалаша или палатки. Тамъ, гдѣ лѣсу мало или вовсе нѣтъ, по зимамъ живутъ въ землянкахъ съ крышей, покрытой дерномъ; въ эти землянки спускаются по лѣстницѣ. Отъ входа въ жилье ведетъ узкій корридорчикъ, и уже изъ него попадаютъ въ жилье; онъ

дѣлается для того, чтобы въ жилое помѣщеніе не наносило снѣгу. Для выхода дыма и для свѣта на верху дѣлается особое отверстіе. Лѣтомъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто со своими оленями, инородцы ставятъ шалаши изъ жердей, покрытыхъ сверху березовой корой. Сосуды для воды у нихъ также дѣлаются изъ коры, изъ дерева или кожи. Имъ часто приходится переходить съ одного мѣ-

ста на другое, и хрупкая глиняная посуда для нихъ неудобна. Поэтому и для варки пищи они употребляютъ кожаные мѣшки, куда наливается вода и кладутся раскаленные камни, пока вода не нагрѣется. Теперь у нихъ употребляются и чугунные котлы.

Зная, что жизнь нашихъ инородцевъ во многомъ похожа на жизнь нашихъ предковъ, когда тѣ должны были бороться въ Европѣ съ лютымъ хо-

лодомъ, намъ еще интереснѣе видѣть, какъ нынѣшніе сѣверные народы вѣрятъ, думаютъ и чувствуютъ. Это поможетъ намъ составить понятіе о мысляхъ и чувствахъ древнихъ обитателей Европы, о которыхъ мы можемъ думать только, что они вѣрили въ загробную жизнь и въ волшебство: мы знаемъ что они клали съ покойникомъ оружіе, полагая, что оно понадобится ему на томъ свѣтѣ, и носили

амулеты и талисманы, предохраняющіе отъ колдовства. Но что они были за люди—добрые или злые, умные или глупые, разсудительные или суевѣрные,—мы по этимъ остаткамъ, конечно, узнать не можемъ. До нѣкоторой степени это могутъ показать намъ нынѣшніе сѣверные инородцы.

Для такого сѣверянина, въ его холодной странѣ, домашній очагъ, гдѣ онъ можетъ согрѣться, насы-

титься и отдохнуть послѣ охоты,—нужнѣе, чѣмъ для жителей другихъ странъ. Поэтому инородецъ всегда живетъ семьею. Въ семьѣ на долю женщины выпадаетъ вся домашняя работа: она и готовитъ кушанье, и приготовляетъ запасы (солитъ, вялитъ и коптитъ рыбу и мясо), шьетъ и чинитъ одежду, укладываетъ и раскладываетъ весь скарбъ, когда нужно переходить на другое мѣсто. Мужъ только

охотится и пасетъ оленей. Хотя съ перваго взгляда жена можетъ показаться скорѣе прислугой, чѣмъ подругою мужа, но семейную жизнь инородцевъ можно назвать мирною и согласною. Многіе путешественники разсказываютъ, что имъ пріятно бывало, во время остановки на пути, провести вечеръ въ чумѣ остяка и самоѣда. Женщинъ они заставали за работой вокругъ простой глиняной или ка-

менной лампы изъ жиру, или около костра, а мужчинъ разговаривающими съ женами и между собой, лежа на низкихъ постеляхъ изъ мѣховъ. Ни ссоръ, ни брани имъ не приходилось слышать. Съ дѣтьми тамъ обращаются очень ласково, не наказываютъ и не бранятъ ихъ.

Всѣ народы, живущіе въ пустынныхъ и степныхъ мѣстахъ, очень гостепріимны. Они понимаютъ, что въ ихъ мѣстахъ нель-

зя отказать страннику въ пріютѣ и кускѣ хлѣба, а то ему не долго и погибнуть отъ усталости и голода. Тѣмъ болѣе гостепріимны сѣверные народы: они всегда рады принять назябшагося и наголодавшагося путника, обогрѣть и накормить его. Путешественники, бывавшіе въ сѣверной Сибири, съ благодарностью вспоминаютъ объ этихъ простыхъ людяхъ, отъ всей души старавшихся и угостить ихъ,

и уложить спокойнѣе, чтобы тѣ могли какъ можно лучше подкрѣпиться и отдохнуть.

Каждый, кто знаетъ этихъ людей, хвалитъ и честность ихъ. Они скорѣе отдадутъ свое, чѣмъ тронутъ чужое. Въ ихъ трудной и суровой жизни приходится дорожить каждой вещью, потому что вмѣсто пропавшей или потерянной не всегда можно тотчасъ же достать новую. И добыча на охотѣ достает-

ся имъ не легко, и поэтому ее отдаютъ безъ спора тому, кому первому удалось попасть въ нее. Если въ нее сразу попадутъ двое или трое, она дѣлится между ними поровну. Но и тотъ, кому не посчастливилось на охотѣ, не остается безъ всего: ему всегда удѣлятъ часть добычи, чтобы могли быть сыты и онъ самъ, и его семья. Дажевдовъисиротъ, у которыхъ нѣтъ никого, кто бы кормилъ ихъ, не

забываютъ при дѣлежѣ. Такъ, эти люди помогаютъ другъ другу и на охотѣ, и въ домашнихъ работахъ, и во всякой бѣдѣ.

Они берегутъ добро не только своего брата, но и каждаго чужого, заѣзжаго человѣка. Какъ бы имъ ни нравилась чужая вещь, они никогда не возьмутъ ее безъ спроса. Капитаны кораблей знаютъ, что на ихъ берегахъ можно безъ опасенія разгружать суда и оставлять вещи подъ

открытымъ небомъ безъ всякаго присмотра: ни одна изъ нихъ никода не пропадетъ. Одинъ молодой русскій путешественникъ, бывшій на дальнемъ Сѣверѣ, разсказывалъ намъ, что однажды, охотясь въ тайгѣ (дремучемъ сибирскомъ лѣсу), онъ встрѣтился съ тунгусомъ, котораго поражала дальнобойность и мѣткость ружья русскаго охотника. Когда ружейная пуля пробила толстое дерево, тунгусъ

пришелъ въ такой восторгъ, что предложилъ русскому за это ружье свой чумъ, все свое имущество и даже жену и дѣтей. Послѣ рѣшительнаго отказа путешественника, онъ пригласилъ его къ себѣ. Тотъ пошелъ къ нему, не задумавшись ни на минуту. Дѣло это происходило на берегу Енисея, въ глухомъ мѣстѣ, гдѣ можно было не только ограбить, но и убить захожаго человѣка, такъ что никто ни-

когда не узналъ бы объ этомъ. Однако, путешественникъ, зная нравы инородцевъ, безъ малѣйшаго опасенія переночевалъ въ чумѣ. Соблазнительное ружье все время висѣло передъ глазами тунгуса, но тотъ даже не смотрѣлъ на него.

Эти люди дѣлятъ съ сосѣдями не только горе и бѣду, но и радости. Рожденіе ребенка, свадьба и т. п. справляются у нихъ угощеніями. Даже и безъ

*

такихъ случаевъ они часто зовутъ къ себѣ сосѣдей— попѣть, поплясать, потолковать между собою. Угощеніями служатъ рыба, ягоды и т. п. Водки они совсѣмъ не знали, пока ее не завезли къ нимъ европейцы; у нихъ не было и хмѣльного напитка, пива.

Идя въ гости, они принаряжаются, надѣваютъ платье съ цвѣтными вышивками и оторочками, бусы, серьги и пр. Они дѣлаютъ даже узоры на лицѣ,

накалывая ихъ какимъ нибудь остріемъ и втирая въ уколы угольный порошокъ.

Какъ всѣ дикіе народы, они суевѣрны и особенно боятся злыхъ духовъ. У нихъ есть знахари или колдуны, про которыхъ они думаютъ, будто тѣ могутъ переговариваться съ духами. Этихъ колдуновъ они называютъ шаманами. Когда съ кѣмъ нибудь приключится болѣзнь или другая бѣда, посылаютъ за

шаманомъ, чтобы тотъ узналъ у духовъ, чѣмъ можно помочь въ этомъ случаѣ. Шаманъ пляшетъ и кружится до тѣхъ поръ, пока не упадетъ въ изнеможеніи, съ искривленнымъ лицомъ, съ пѣной у рта. Въ этомъ припадкѣ ему и кажется, что духъ говоритъ съ нимъ. Одни изъ этихъ шамановъ простые обманщики, а другіе искренно вѣрятъ, что духъ можетъ говорить съ ними. Они, дѣйствительно, доводятъ себя до припад-

ковъ, вродѣ падучей болѣзни, и тогда имъ слышатся голоса, видятся разныя фигуры и т. д. Сѣверные народы вѣрятъ въ будущую жизнь и, когда погребаютъ покойника, кладутъ съ нимъ оружіе, любимыя вещи и даже трубку.

Эти народы смирны и не любятъ войны. Только по неволѣ, когда сосѣди тѣснятъ ихъ, они отбиваются отъ нихъ. Но чаще всего имъ приходится усту-

пать сосѣдямъ. Когда-то они жили гораздо южнѣе, но были вытѣснены оттуда къ дальнему сѣверу болѣе воинственными народами. Теперь почти вездѣ мы видимъ только остатки прежнихъ сѣверныхъ народовъ. Они вспоминаютъ въ своихъ пѣсняхъ, что прежде они жили богаче, и у нихъ были свои богатыри, побѣждавшіе враговъ.

Эти народы не оставляютъ кочевого образа жизни и тогда, когда жи-

вутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ народами образованными. Такъ, лопари, живущіе на сѣверѣ Швеціи и Норвегіи и на нашемъ Кольскомъ полуостровѣ, все еще ютятся въ землянкахъ или шалашахъ и переходятъ съ мѣста на мѣсто со своими оленями. Нѣкоторые ученые считаютъ ихъ потомками древнихъ обитателей средней Европы, которые, когда послѣ холоднаго

времени стало теплѣе и ледъ началъ таять, ушли вслѣдъ за сѣверными оленями, перебравшимися на дальній сѣверъ. Лопари маленькаго роста, съ выдавшимися скулами, приплюснутыми носами и маленькими глазами; однимъ словомъ, въ наружности ихъ много схожаго съ сибирскими инородцами. Они мирно живутъ рыболовствомъ или скотоводствомъ, кочуя со своими

оленями. Вѣроятно, они и прежде были безобидными и кроткими людьми, но когда скандинавы, предки нынѣшнихъ шведовъ и норвежцевъ, пришли въ эту страну, они боялись лопарей, которыхъ застали тамъ. Этотъ страхъ сказался въ ихъ преданіяхъ о карликахъ, живущихъ въ пещерахъ, умѣющихъ ворожить и ковать металлы. Эти карлики и были лопари, которые, по старой

привычкѣ, жили въ пещерахъ и могли перенять отъ своихъ азіатскихъ родичей, отъ „чуди“, искусство ковать мѣдь.

IV.

Нынѣшніе обитатели свайныхъ построекъ.

Когда мы слышимъ, что въ старину люди строили свои жилища надъ водой, мы удивляемся этому и не можетъ ясно понять, зачѣмъ они это дѣлали и какъ они могли жить тамъ, постоянно подвергаясь сырости и опасности свалить-

ся въ воду. Мы меньше будемъ удивляться этой странной привычкѣ, когда узнаемъ, что и теперь еще есть такіе народы, которые строятъ свои жилья на сваяхъ, вбитыхъ въ дно озера или морского залива. Мы находимъ такіе дома на островахъ Океаніи, населенныхъ темнокожими меланезійцами или папуасами. Они всегда строятъ свои жилья на сваяхъ или подпоркахъ, иногда на землѣ, а часто и на водѣ.

Рис. 7. Папуасская деревня на сваяхъ.

Одинъ путешественникъ, видѣвшій эти дома, прямо говоритъ о нихъ: „это настоящія свайныя постройки, какія еще до временъ историческихъ ставились на европейскихъ озерахъ“.

Водяныя жилища папуасовъ имѣютъ видъ крыши, поставленной на подпорки. Крыша, похожая на опрокинутую лодку, дѣлается изъ большихъ листьевъ кокосовой пальмы. Постройка отходитъ отъ берега сажень на 25

или на 30 и соединена съ нимъ неогороженными мостками. Мостки ведутъ въ корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго находится по 5 или по 7 полутемныхъ каморокъ. Въ каждой каморкѣ помѣщается по одной семьѣ. Въ самой большой изъ деревень, какія видѣлъ этотъ путешественникъ, онъ насчиталъ около 1.000 человѣкъ. Они живутъ тѣсно и неудобно. Полъ такой постройки дѣлается

изъ жердей толщиною въ руку, постланныхъ на разстояніи трехъ четвертей аршина одна отъ другой такъ, что между ними приходится постоянно перепрыгивать. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ сверху этихъ жердей кладутся настилки изъ тонкихъ бамбуковыхъ (тростниковыхъ) палочекъ. Для спанья служатъ доски, покрытыя циновками. Большая корзина, наполненная землею, замѣняетъ очагъ, т. е. мѣсто, гдѣ

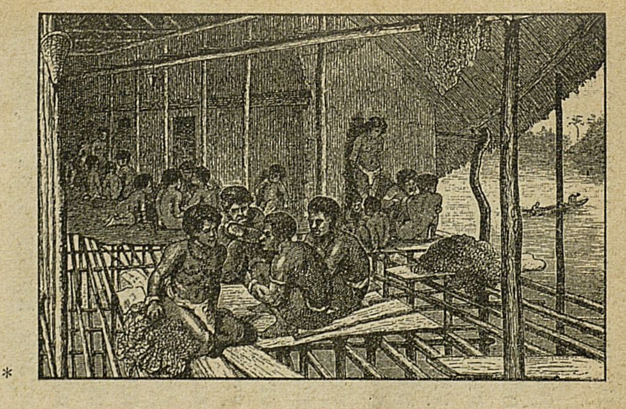

Рис. 8. Внутренность папуасскаго жилища на сваяхъ.

*

разводятъ огонь; кушанья обыкновенно запекаются въ горячей золѣ. Для воды употребляются просто отрѣзки толстаго бамбука: бамбуки имѣютъ сплошныя утолщенія, какъ и тростникъ, и если перерѣзать его поперекъ по этому утолщенію и потомъ еще выше передъ слѣдующимъ утолщеніемъ, то получится цилиндрическій сосудъ, вродѣ ведерка. Свои запасы и другія вещи папуасы хранятъ въ плете-

Рис. 9. Папуасскій храмъ.

ныхъ мѣшкахъ. Кромѣ этихъ сосудовъ и мѣшковъ, въ хижинахъ ихъ можно видѣть еще только ихъ оружіе—луки и стрѣлы, длинныя и короткія (метательныя) копья.

Папуасы и на сушѣ, т. е. на сухомъ мѣстѣ, ставятъ дома на высокихъ перекрещенныхъ жердяхъ. Высота ихъ доходитъ до 7 саженъ, и людямъ они кажутся гнѣздами какихъ-то крупныхъ птицъ. Жерди, на которыхъ они сто-

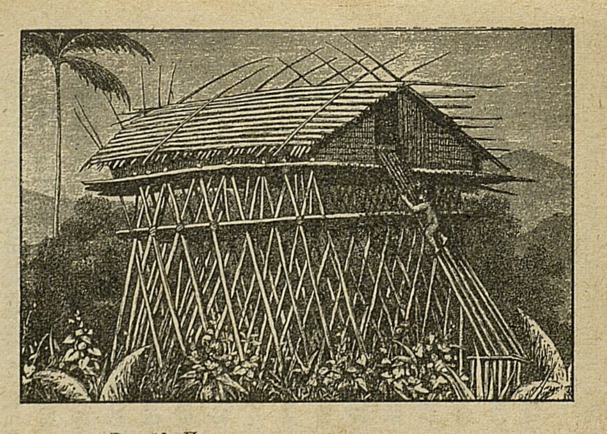

Рис. 10. Папуасское жилище на сваяхъ.

ятъ, довольно тонки и гибки и качаются отъ сильнаго вѣтра; но онѣ такъ искусно переплетены, что поддерживаютъ другъ друга, и вѣтеръ для нихъ не опасенъ. Въ жилье влѣзаютъ по косо поставленнымъ жердямъ. Внутри жилье походитъ на чердакъ, потому что состоитъ изъ крыши, которая почти совсѣмъ закрываетъ низенькія боковыя стѣнки; эти стѣны, такъ же, какъ и передняя стѣна съ дверью

и глухая задняя, сплетены изъ бамбука. Видя, что человѣкъ еще и въ наше время живетъ въ такихъ неудобныхъ жилищахъ, мы лучше поймемъ, какъ онъ могъ жить въ древнее время и у насъ въ домахъ, построенныхъ на водѣ. Когда-то въ этихъ жилищахъ онъ чувствовалъ себя безопаснѣе отъ непріятелей, а потомъ привыкъ такъ жить и продолжалъ строиться по прежнему, когда въ этомъ

уже не было необходимости.

Это не показываетъ, что онъ былъ трусливъ, что онъ постоянно былъ подъ страхомъ. Папуасы—самые храбрые и воинственные изъ всѣхъ островитянъ Тихаго океана, а все-таки держатся во многихъ мѣстахъ такого способа построекъ, который, вѣроятно, дошелъ къ нимъ изъ глубокой старины. Они живутъ и въ домахъ съ четвероугольнымъ

основаніемъ на ножкахъ и на низенькой подставкѣ, на которую можно сразу шагнуть съ земли. Дома на ножкахъ и съ подставками должны были произойти отъ прежнихъ домовъ на высокихъ жердяхъ, дѣлались ниже и ниже и, наконецъ, почти дошли до земли, но все еще не совсѣмъ. Здѣсь собственными глазами мы можемъ видѣть, какъ велика у человѣка сила привычки.

Во всѣхъ другихъ отно-

шеніяхъ папуасовъ нельзя сравнивать съ нашими предками, т. е. древними обитателями Европы, жившими въ свайныхъ постройкахъ. Папуасы еще чернѣе австралійцевъ и похожи на африканскихъ негровъ; у нихъ такія же черныя лица и широкіе носы, но еще болѣе курчавые длинные волосы, покрывающіе голову точно огромной шапкой. Папуасы хвастаютъ длиной и густотой своихъ волосъ, и у

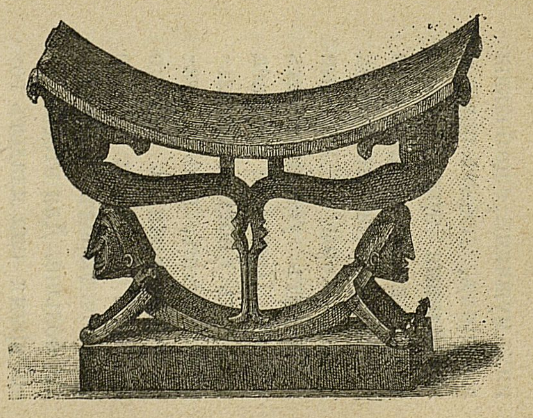

Рис. 11. Головная скамейка съ рѣзными ножками.

нихъ мужчины, еще больше женщинъ, любятъ разныя затѣйливыя прически. У тѣхъ, которые побогаче или познатнѣе, есть свои парикмахеры, которые приходятъ убирать имъ волосы. Прическа папуаса требуетъ иногда нѣсколькихъ часовъ, и онъ старается сохранить ее, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ-четырехъ дней, если не больше. Для этого онъ во время сна кладетъ голову не на подушку или

на что нибудь мягкое, а на деревянную скамеечку съ полукруглой выемкой. Спать на такой деревянной подставкѣ ему не кажется безпокойнымъ, потому что онъ къ этому привыкъ съ дѣтства.

Папуасы живутъ на одномъ большомъ островѣ (Н. Гвинеѣ) и нѣсколькихъ островахъ меньшей величины. Несмотря на близость моря, на ихъ родинѣ очень жарко, и они ходятъ безъ всякой одежды,

кромѣ длиннаго бахромчатаго пояса. Въ холодныя ночи или въ вѣтреную погоду они прикрываются одеждой изъ выдѣланной коры или ткани изъ мочалы, вродѣ очень тонкой рогожи.

Папуасы кормятся охотой, рыбной ловлей или земледѣліемъ, смотря по мѣсту, гдѣ имъ приходится жить. На большихъ островахъ дичи больше, и она крупнѣе, а на маленькихъ ее водится мало, и при-

ходится питаться рыбой. Но любимая пища папуасовъ, какъ и всѣхъ народовъ жаркаго пояса,—растительная. Вездѣ, гдѣ только можно, они сажаютъ корнеплодныя растенія, вродѣ нашего картофеля или брюквы. Они разводятъ и пальмы, кокосовую и саговую, а также и хлѣбныя деревья. Когда поспѣваютъ всѣ эти растенія, они только ихъ и ѣдятъ, и даже часть ихъ оставляютъ про запасъ; но вооб-

ще они не бережливы, какъ и всѣ дикари. Они держатъ для ѣды собакъ, свиней и куръ.

Папуасы и на видъ кажутся дикими и свирѣпыми; въ прежнее время ихъ считали самыми страшными изъ всѣхъ дикихъ людей. Черные, съ косматыми головами, они такими и должны были казаться путешественникамъ и морякамъ, которые на короткое время приставали къ ихъ островамъ. Про нихъ

Рис. 12. Папуасъ-воинъ.

было извѣстно, что они ведутъ жестокія войны, убиваютъ безъ пощады и даже съѣдаютъ враговъ. Въ этихъ слухахъ много правды: папуасы, дѣйствительно, воинственны, не щадили непріятелей и ѣдятъ ихъ. Но одинъ русскій путешественникъ, который долго прожилъ между ними, разсказываетъ, что, если съ ними обходиться привѣтливо, то и они сами бываютъ довѣрчивы и услужливы.

Папуасовъ нельзя назвать глупыми: напротивъ, они—народъ способный къ ученью и къ ремесламъ. Учиться они стали недавно у европейцевъ, которые пріѣзжаютъ туда для проповѣди христіанства и для торговли. Ремеслами папуасы занимаются давно, и во многихъ ихъ издѣліяхъ столько вкуса, что, видя ихъ удивляешься, какъ могли ихъ сработать такіе грубые дикари. Они особенно искусно рѣжутъ изъ

дерева и раскрашиваютъ свое оружіе и посуду, а также свои пояса и ткани изъ мочалы. Они вырѣзываютъ фигурами и кормы лодокъ и деревянныя чашки, и иногда даже коньки своихъ домовъ. Кромѣ рѣзьбы, по свѣтлому дереву они дѣлаютъ темные узоры, а по черному—бѣлые. Узоры эти состоятъ почти всегда изъ линій и зигзаговъ, а фигуры—изъ человѣческихъ лицъ, звѣриныхъ или птичьихъ го-

ловъ. Свои бахромчатые пояса изъ мочалы они окрашиваютъ въ разные цвѣта—черный, красный и желтый такъ, что каждая прядь бываетъ разнаго цвѣта. Ткани ихъ плетутся или ткутся изъ тонкихъ, также разноцвѣтныхъ мочалъ.

Австралійцы не дошли до постройки лодокъ, а папуасы выучились строить ихъ у своихъ сосѣдей полинезійцевъ, издавна славившихся этимъ искус-

ствомъ, и работаютъ не хуже ихъ. Работали они до послѣдняго времени и лодки, и дома каменными топорами и рѣзали деревянныя фигуры каменными ножами и долотами. Только теперь они начинаютъ обзаводиться желѣзными орудіями, покупая ихъ у европейцевъ. Но по ихъ работѣ, сдѣланной каменными орудіями, мы можемъ видѣть, до чего можетъ дойти даже и съ каменнымъ топоромъ или

долотомъ мастеръ, имѣющій терпѣніе, охоту и способность къ такому труду. А папуасы несомнѣнно способны къ нему, не меньше, если не больше эскимосовъ.

И на охотѣ, и на войнѣ они больше всего употребляютъ копье и палицу. Копьемъ нерѣдко служитъ имъ заостренная палка изъ твердаго дерева, но и у такихъ копій рукоятки дѣлаются рѣзными или узорчатыми. Наконечники бы-

ваютъ изъ камня или кости. Палицы отдѣлываются еще старательнѣе и искуснѣе. Свои луки, вышиною съ человѣческій ростъ и даже выше, они ставятъ стоймя, т. е. упираютъ однимъ концомъ въ землю, когда стрѣляютъ изъ нихъ.

Ради украшенія они дѣлаютъ себѣ на лицѣ надрѣзы отъ носа къ уху; когда надрѣзы эти заростутъ, они становятся круглыми рубцами. Съ

каждой стороны лица проводится по два и по три такихъ надрѣза. Надрѣзы дѣлаются и отъ угловъ губъ къ концу уха и на подбородкѣ; тогда кажется, будто ротъ окруженъ лучами. Въ свои пышные волосы папуасы втыкаютъ перья и носятъ ожерелья изъ раковинъ и зубовъ.

Изъ всѣхъ островитянъ Тихаго океана одни папуасы дошли до выдѣлки глиняной посуды, вѣроятно, потому, что на ихъ

островахъ попадается хорошая горшечная глина. Свои горшки они также покрываютъ узорами. Они дѣлаютъ и рѣзную мебель—сидѣнья вродѣ табуретовъ или скамеекъ съ фигурными подставками.

Мы уже говорили, что эти фигуры и узоры дѣлались каменнымъ топоромъ и долотомъ. Топоры папуасовъ — не просто обтесанные, а иногда отдѣланы очень гладко и даже отшлифованы. Искус-

ству шлифовки они также выучились у своихъ сосѣдей полинезійцевъ. Но папуасы не умѣютъ еще просверливать самый топоръ, чтобы вставлять въ него рукоятку. Они высверливаютъ маленькія отверстія въ плоскомъ камнѣ, продѣваютъ сквозь нихъ веревки, камень вставляютъ въ расщепъ рукоятки и крѣпко прикручиваютъ его къ ней веревками. Или еще проще: они берутъ колѣнчатый сукъ, обдѣлываютъ

его и къ короткому концу привязываютъ веревками или камышемъ заостренный плоскій камень. Вмѣсто камня, они берутъ иногда крѣпкую раковину. Такими топорами они строятъ дома и лодки; хотя они и обжигаютъ сперва бревна и не жалѣютъ ни времени, ни труда, но все таки работа ихъ идетъ очень медленно. У нихъ мы можемъ видѣть, какъ дикій человѣкъ хватается за желѣзныя орудія, когда

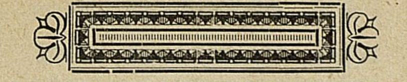
знакомится съ ними. Путешественники и торговцы разсказываютъ, что изъ всѣхъ товаровъ, которые привозятъ европейцы къ папуасамъ, они всего охотнѣе покупаютъ желѣзные топоры. Ни бусы, ни зеркальца, ни другія украшенія или вещи такъ не прельщаютъ ихъ, какъ издѣлья изъ желѣза и стали. Но часто имъ не на-что и негдѣ купить желѣзнаго топора, и они продолжаютъ рѣзать, рубить

и строгать каменными орудіями, которыми, несмотря на ихъ недостатки, они такъ хорошо умѣютъ владѣть.

Желѣзо пока еще ни въ чемъ не измѣнило жизни папуасовъ. Желѣзными топорами они строятъ себѣ такіе же дома на подпоркахъ или на сваяхъ, также ходятъ безъ всякой одежды, кромѣ поясовъ, охотятся съ копьями и стрѣлами, ловятъ рыбу костяными удочками и сѣтями,

разводятъ однѣхъ свиней, разрыхляютъ поле острыми кольями, ходятъ на войну другъ противъ друга и, по окончаніи войны и въ дни сбора плодовъ, устраиваютъ праздники, на которыхъ много ѣдятъ и много пляшутъ. О папуасахъ ходили всегда такіе дурные слухи, что европейцы побаивались ихъ, и среди нихъ селились только очень смѣлые и добрые люди, какимъ былъ нашъ путешественникъ Н. Н. Мик-

лухо-Маклай. Однако, европейцы на островахъ, занятыхъ папуасами, селятся теперь все больше и больше и понемногу начинаютъ обращать папуасовъ въ христіанство, учатъ ихъ читать и писать, одѣваться и жить по европейски. Но въ этомъ папуасы, хотя и способные къ ученью, успѣли меньше другихъ дикарей Тихаго океана.

V.

Дикари съ орудіями изъ шлифованнаго камня.

Когда въ концѣ прошлаго вѣка, съ небольшимъ лѣтъ сто тому назадъ европейскіе мореплаватели въ первый разъ попали на островъ Таити, принадлежащій къ группѣ острововъ Товарищества, они пришли въ такой вос-

*

торгъ, что называли этотъ островъ „райскимъ мѣстомъ“. Имъ показалось, что именно тамъ собрано все нужное для человѣческаго счастья. Тамъ въ изобиліи росли самыя роскошныя тропическія деревья—пальмы, пандановы, хлѣбныя деревья и пр. Цвѣтущія деревья и кустарники и садовые цвѣты наполняли воздухъ благоуханіемъ. Воздухъ былъ теплый, но не жаркій, отъ близости моря: онъ лас-

калъ, но не жегъ. Солнечные лучи лились съ безоблачнаго неба; такимъ же синимъ было и море, игравшее яркими солнечными блестками. И люди, жившіе на этомъ очаровательномъ островѣ, какъ нельзя лучше подходили къ нему. Они были темно-желтаго цвѣта съ красивыми чертами лица, съ обнаженнымъ тѣломъ, прикрытымъ только широкимъ поясомъ, но эта обнаженность скрадывалась чер-

нымъ узоромъ, вродѣ кружева, которымъ тѣло ихъ было разрисовано. Рано утромъ, на разсвѣтѣ, они выходили изъ своихъ хижинъ и шли купаться въ море; они возвращались съ купанья съ поясами изъ свѣжихъ листьевъ и вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ на головахъ. Позавтракавъ, они работали: мужчины ловили рыбу, чинили сѣти, поправляли и строили лодки, копали на своемъ полѣ или охоти-

лись въ лѣсу, а женщины занимались домашними работами. Что бы они ни дѣлали, они всегда пѣли: пѣсни цѣлый день раздавались отовсюду. Передъ захожденіемъ солнца всѣ возвращались домой, опять купались, ужинали, и до наступленія темноты молодежь играла, пѣла и плясала на улицѣ, а люди пожилые весело болтали между собою. Такъ проходилъ у нихъ цѣлый годъ, день за днемъ. У нихъ

не было ни холодной зимы, ни знойнаго лѣта: на ихъ островѣ стояла вѣчная весна.

Такіе же разсказы о счастливыхъдикаряхъможно было слышать въ то время и отъ посѣщавшихъ другіе острова Тихаго океана. Тогда имъ вѣрили и думали, что самая лучшая жизнь, какая можетъ быть для человѣка, это—жизнь на островѣ среди красивой природы, въ тепломъ климатѣ, гдѣ ему не много

нужно работать, чтобы быть сытымъ. Однако, когда ближе познакомились съ этими островитянами, узнали, что жизнь ихъ не такая блаженная, какъ объ этомъ разсказывали.

Правда, природа дала имъ многое, что дѣлаетъ жизнь легкой и пріятной. Тамъ растетъ кокосовая и саговая пальмы и другія породы пальмъ, дающихъ вкусные или сочные плоды. Тамъ растетъ и хлѣбное дерево, которое такъ назы-

вается потому, что̀ плодъ его, запеченный на горячихъ угольяхъ, похожъ вкусомъ на хлѣбъ. Въ огородахъ и поляхъ тамъ разводятъ корнеплоды, которые мы видѣли у папуасовъ, одной породы съ свеклой или брюквой, но еще слаще и питательнѣе ихъ. Мѣстныхъ домашнихъ животныхъ, т. е. такихъ, которыя тамъ уже были до пріѣзда европейцевъ, извѣстно только два—собака и свинья. Изъ дикихъ жи-

вотныхъ, млекопитающихъ или звѣрей было немного; зато въ лѣсахъ не мало было птицъ, и еще больше было рыбы у береговъ.

Лѣтъ тысячу тому назадъ острова эти еще не были заселены. И въ Австраліи, и на ближайшихъ къ ней островахъ жили темнокожіе люди, а дальніе острова, о которыхъ мы говорили, были пусты. Чтобы заселить ихъ, нуженъ былъ народъ смѣлый и привычный къ морю. У

австралійцевъ не доставало смѣлости, а у папуасовъ не было судовъ, которыя были бы пригодны для дальняго плаванія. Предпріимчивымъ и искуснымъ въ мореплаваніи народомъ, какой былъ нуженъ, чтобы разыскать острова на огромномъ пространствѣ Тихаго океана, оказались малайцы. Малайцы жили на юго-востокѣ Азіи на полуостровѣ Малаккѣ и на большихъ и малыхъ островахъ, которые

идутъ отъ Азіи къ Австраліи. Они издавна плавали по морямъ между своими островами, перевозили водою товары для продажи и нерѣдко грабили чужіе корабли. Они выучились строить большія суда, на которыхъ искуснымъ мореходамъ можно было пускаться въ океанъ. Компаса, по которому сейчасъ видно, гдѣ находится сѣверъ, слѣдовательно, и другія части свѣта, у нихъ не было; не было и мор-

скихъ картъ, по которымъ плаваютъ нынѣшніе корабли. Малайцы плавали по звѣздамъ, вмѣсто компаса, и на память разъузнавая другъ отъ друга, сколько времени и въ какую сторону надо ѣхать, чтобы добраться до такого-то острова. Такъ, понемногу они распространились по всѣмъ островамъ Тихаго океана, гдѣ только можетъ жить человѣкъ. На нѣкоторыхъ островахъ они нашли черное населеніе и от-

части смѣшались съ нимъ, отчасти истребили его.

Малайцы не были настоящими дикарями, вродѣ австралійцевъ или папуасовъ; въ Азіи они жили недалеко отъ образованныхъ народовъ, индусовъ и китайцевъ, и многое перенимали у нихъ. Когда они переселились на острова Тихаго океана, они были знакомы съ хлѣбопашествомъ и съ скотоводствомъ и умѣли строить парусныя суда для морского плава-

нія. Поэтому они такъ и отличаются отъ черныхъ обитателей другихъ острововъ; они свѣтлѣе и красивѣе ихъ, обходительнѣе съ чужеземцами, искуснѣе въ сочиненіи пѣсенъ, въ хоровомъ пѣніи, въ пляскахъ и разныхъ ручныхъ работахъ. У нихъ больше вкуса въ нарядахъ, въ отдѣлкѣ домовъ и утвари. Многое, что они знали, когда поселились на этихъ островахъ, они запомнили и даже стали дѣлать луч-

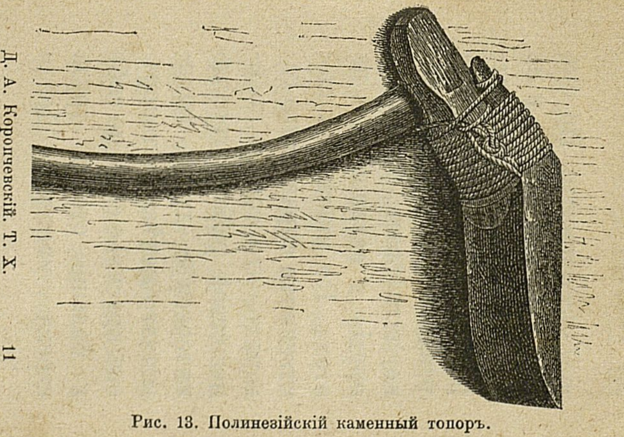

Рис. 13. Полинезійскій каменный топоръ.

ше, чѣмъ прежде. Но они еще не знали желѣза и не находили его на своихъ островахъ. Поэтому они выучились только превосходно шлифовать каменныя орудія и остановились на этомъ. Но многіе путешественники справедливо говорятъ, что топоръ полинезійской работы гораздо интереснѣе дурно выкованнаго желѣзнаго топора: онъ красивѣе самъ по себѣ и больше стоилъ труда своему мастеру. Дойти

самимъ до такой шлифовки и отдѣлки камня труднѣе, чѣмъ выучиться у сосѣдей ковкѣ желѣза.

Полинезійцы вовсе не такъ добродушны, какъ они показались первымъ европейцамъ, которые ихъ видѣли. Кукъ, англійскій мореплаватель, открывшій многіе изъ ихъ острововъ, былъ убитъ туземцами на одномъ изъ нихъ. Если ихъ раздражить, полинезійцы дѣлаются злы и мстительны не хуже дру-

гихъ дикарей. Недавно они еще были людоѣдами и не видѣли въ этомъ ничего дурного. Они жестоки и въ то же время легкомысленны—по цѣлымъ днямъ готовы болтать въ своихъ общественныхъ домахъ, забывая о женѣ и дѣтяхъ. Съ женами они обходятся лучше, чѣмъ австралійцы и папуасы, но все-таки женщина у нихъ еще не подруга, а раба мужчины. Такъ, женамъ не позволяется ѣсть вмѣстѣ съ

мужьями; нѣкоторыя кушанья мужчины сами варятъ себѣ, потому что женщины не должны къ нимъ прикасаться. Полинезійцы, какъ островные жители, боятся, что имъ не хватитъ и мѣста, и пищи, если ихъ будетъ слишкомъ много; поэтому они не всѣхъ дѣтей оставляютъ въ живыхъ. Но при этомъ дѣвочки погибаютъ чаще, чѣмъ мальчики.

Во всемъ этомъ полинезійцы не многимъ луч-

ше другихъ дикарей, а когда мы смотримъ на ихъ издѣлія, мы не можемъ налюбоваться ими. И одежда, и жилища, и утварь, и оружіе, и лодки — все у нихъ красиво и изящно.

Одежду свою они приготовляютъ изъ коры нѣкоторыхъ деревьевъ, которую выколачиваютъ деревянными колотушками такъ, что она становится толстою и мягкою, какъ драпъ. По цвѣту и виду, она походитъ на трутъ.

Кора снимается съ большихъ деревьевъ, и одного куска достаточно для одежды взрослаго человѣка. Такую одежду носятъ вокругъ бедра, вродѣ юбки, короткой у мужчинъ и длинной у женщинъ. Но одежду изъ выдѣланной коры (тапы) дѣлаютъ и въ видѣ короткаго плаща или накидки. Тапа иногда разрисовывается узорами.

Въ жилищахъ полинезійцевъ больше всего бросается въ глаза крыша,

кажущаяся огромной въ сравненіи съ невысокими стѣнами. Она дѣлается изъ пальмовыхъ листьевъ или изъ тростника и съ виду напоминаетъ опрокинутую лодку. Возможно, что для полинезійцевъ въ первое время ихъ жизни на этихъ островахъ кровомъ служили перевернутыя лодки, которыя ставились на подпоркахъ, а промежутки между подпорками заплетались прутьями или задѣлывались рогожками

Рис. 14. Начальникъ съ о. Самоа въ одеждѣ изъ узорчатой тапы.

или циновками. Съ теченіемъ времени крышу стали дѣлать изъ тростника или изъ листьевъ, но по старой привычкѣ ей все-таки придавали видъ лодки. Стѣны дѣлаются также плетеными изъ тростника; поэтому въ жаркую погоду въ такой хижинѣ всегда прохладно. Крыша ея довольно высока, и хотя стѣны низки, но въ ней достаточно просторно. По серединѣ и по бокамъ, въ видѣ подпорокъ крыши,

ставятся четыреугольные столбы. И столбы, и ко-

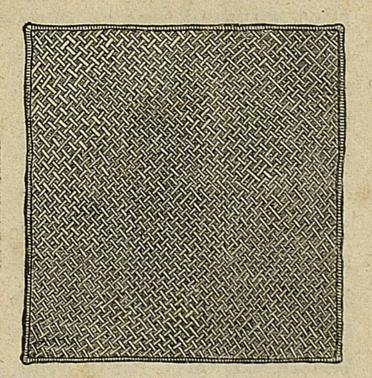

Рис. 15. Полинезійская циновка.

нецъ крыши дѣлаются рѣзными въ видѣ человѣче-

скихъ фигуръ. Такихъ хижинъ нельзя найти у другихъ дикарей; даже европейцы находятъ, что для этихъ странъ нельзя ничего придумать умнѣе и лучше: такъ эти жилища опрятны и просторны.

Полинезійцы еще искуснѣе въ постройкѣ лодокъ. Предки ихъ, малайцы, какъ мы говорили, умѣли строить такія суда, на которыхъ можно было совершать далекія поѣздки по океану. Нынѣшніе

потомки ихъ, полинезійцы, не только не забыли это искусство, но еще усовершенствовали его. Они превосходно строятъ и большія, и маленькія, и простыя, и двойныя лодки. Въ большихъ можетъ помѣщаться человѣкъ до сорока, и даже больше. По серединѣ ея устраивается помостъ, на которомъ ставится каюта въ видѣ хижины. Эти лодки ходятъ и на веслахъ, и на парусахъ. Паруса имѣютъ

треугольную форму и плетутся изъ тонкой мочалы. Кромѣ того, у полинезійцевъ есть лодки „съ коромысломъ“—съ придѣланной къ ней доской, плавающей рядомъ съ нею и мѣшающей лодкѣ опрокидываться, и двойныя лодки, соединенныя настилкой изъ досокъ. Носъ и корма у этихъ судовъ также бываютъ рѣзные въ видѣ человѣческихъ головъ и пр.

Страсть полинезійцевъ

къ рѣзнымъ работамъ еще замѣтнѣе въ ихъ оружіи. Такъ, своимъ деревяннымъ палицамъ они придаютъ самую разнообразную форму, но всего чаще форму весла. Эти палицы бываютъ покрыты красивыми замысловатыми узорами, въ видѣ выпуклыхъ, перекрещивающихся линій. Даже небольшія булавы, которыя употребляются для метанія и, слѣдовательно, не возвращаются къ своему вла-

дѣльцу, покрыты у нихъ узорами. На войнѣ они употребляютъ и топоры съ лезвіемъ изъ камня и раковинъ. Какъ мы уже упоминали выше, эти лезвія всегда превосходно отшлифованы. Иногда вмѣсто камня въ топоръ вставлена очень крѣпкая раковина. Другимъ употребительнымъ оружіемъ ихъ для войны и охоты служитъ копье. Наконечникъ его дѣлается изъ остраго камня, но еще

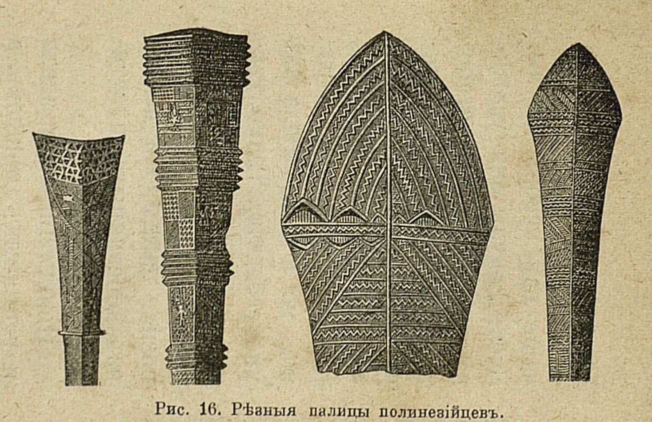

Рис. 16. Рѣзныя палицы полинезійцевъ.

чаще изъ зубовъ акулы. Зубами акулы они усаживаютъ по обѣимъ сторонамъ свои деревянные мечи. Лука и стрѣлъ у нихъ почти не встрѣчается; прежде его замѣняла праща, но и она вышла изъ употребленія. Точно также у нихъ не было и щита; вмѣсто него они носили панцыри и шлемы изъ деревянныхъ пластинокъ.

Полинезійцы не знали и глиняныхъ горшковъ, и

посуда у нихъ была только деревянная, съ красивыми и затѣйливыми вырѣзками. Мы уже видѣли, что они большіе мастера плести, такъ какъ плетутъ себѣ даже паруса. Циновки, или тонкія рогожи, у нихъ въ большомъ ходу и въ домашней жизни. Онѣ замѣняютъ имъ внутреннія стѣны въ хижинахъ, служатъ для спанья и для сидѣнья. Хотя они меньше занимаются своими прическами, чѣмъ

папуасы, но и у нихъ есть головныя скамейки, къ которымъ они ночью прислоняютъ голову вмѣсто подушки. Они умѣютъ дѣлать вѣера изъ тонкихъ деревянныхъ пластинокъ, деревянные гребни и пр. Свои деревянныя издѣлія они покрываютъ лакомъ, который придаетъ имъ красивый видъ. Они большіе охотники до украшеній— браслетъ, ожерелій, серегъ и т. п., которые они дѣлаютъ очень искусно изъ ра-

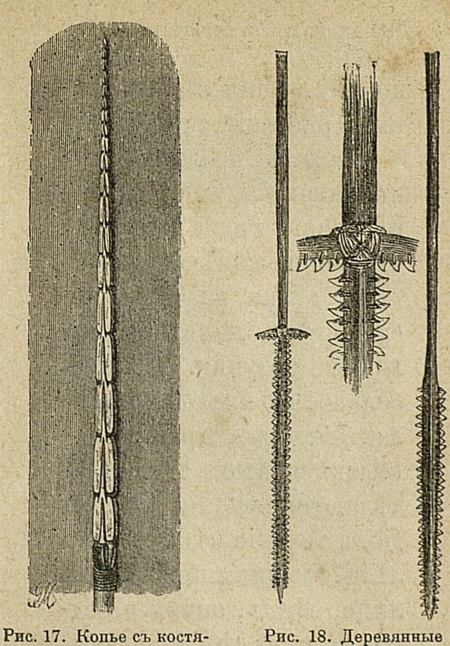

Рис. 17. Копье съ костянымъ наконечникомъ.

Рис. 18. Деревянные мечи полинезійцевъ.

ковинъ, зубовъ, сѣмянъ разныхъ растеній, дерева и пр.

Страсть полинезійцевъ къ разнымъ узорамъ всего лучше видна изъ того, что они не жалѣютъ своего тѣла, дѣлая на немъ посредствомъ наколовъ различные рисунки. Это такъ больно, что никто не въ силахъ выдержать разомъ наколовъ на всемъ тѣлѣ. Они дѣлаются понемногу иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Рисунки покрываютъ лицо, грудь, спину и бедра, въ видѣ линій, полосъ,

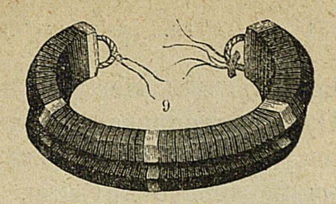
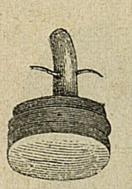

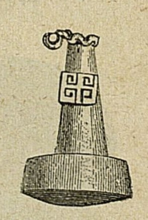
Рис. 19. Браслетъ изъ чернаго дерева и кости.

8

Рис. 20. Браслетъ изъ чернаго дерева и кости.

круговъ, звѣздочекъ и т. п. Путешественникамъ эти рисунки казались похожими на черное кружево.

Рис. 21. Серьга.

Рис. 22. Серьга.

Хотя у нихъ нѣтъ глиняной посуды, но они придумали готовить кушанье въ ямахъ, выло-

Рис. 23. Татуированный полинезіецъ
съ остр. Самоа.

женныхъ камнями. Эти камни раскаляются, поливаются водою, и на нихъ кладется мясо, обложенное сверху листьями. Къ мясу прибавляются различныя приправы, и черезъ нѣкоторое время оно выходитъ очень сочнымъ и настолько вкуснымъ, что нравилось даже европейцамъ. Главною мясною пищей полинезійцевъ служитъ свинина, которую, впрочемъ, ѣдятъ больше богатые или знатные лю-

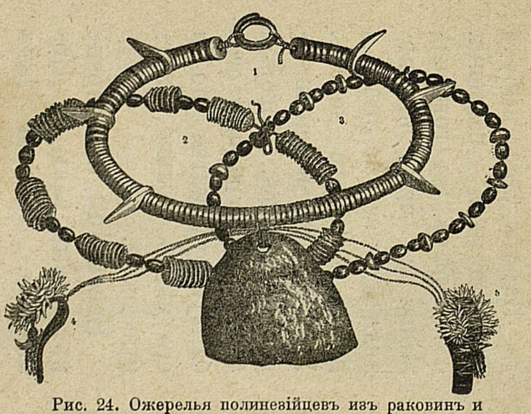

Рис. 24. Ожерелья полинезійцевъ изъ раковинъ и косточекъ плодовъ.

ди. Народъ ѣстъ рыбу и корнеплодныя растенія, о которыхъ мы говорили выше; къ нимъ прибавляются кокосовые орѣхи и плоды хлѣбнаго дерева. У нихъ есть и опьяняющій напитокъ, который дѣлается изъ корней особаго сорта мяты, но и его пьютъ только знатные люди.

Европейцы, пріѣхавшіе въ первый разъ въ Полинезію, застали тамъ уже настоящее земледѣліе.

Правда, это земледѣліе скорѣе можно назвать огородничествомъ, такъ какъ полинезійцы хлѣбъ не сѣютъ, а сажаютъ корнеплодныя растенія и плодовыя деревья. Но они умѣютъ орошать свои поля, проводя въ нихъ воду по кана-

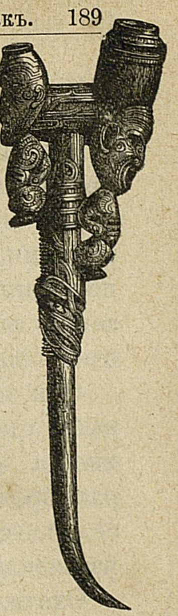

Рис. 25. Рѣзная трубка.

вамъ для поливки. У нихъ не было другихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ свиней, собакъ и куръ, но съ этими животными, въ особенности пока они были малы, туземцы всегда обращались очень ласково.

Они ни только ловили рыбу удочками и сѣтями, иногда очень большихъ размѣровъ, но и держали ее въ садкахъ и даже разводили ее тамъ.

Охотились они мало,

потому что на ихъ островахъ не много съѣдобной дичи. Только на нѣкоторыхъ островахъ еще недавно жила очень крупная птица, величиною съ страуса и даже больше его, но она была робка, и охотиться за ней было не трудно.

Полинезійцевъ нельзя назвать такимъ воинственнымъ народомъ, какъ папуасовъ, но и они часто нападали на болѣе слабыхъ сосѣдей, отнимали у

нихъ имущество и даже уводили женъ и дѣтей. Когда эти дѣти выростали, они становились вѣчными слугами, или рабами, своихъ хозяевъ. Ихъ дѣти также не считались свободными людьми, и такимъ образомъ въ Полинезіи образовалось два класса— свободныхъ и несвободныхъ людей. Изъ первыхъ выбираются начальники; они пользуются всѣми выгодами отъ торговли съ европейцами, и простой

народъ обязанъ доставлять имъ все необходимое для жизни. Народъ тамъ вѣритъ что безсмертная душа, которая будетъ жить за гробомъ, есть только у начальниковъ и знатныхъ лицъ, а когда умираетъ простой человѣкъ, то этимъ для него все кончается. У полинезійцевъ есть храмы съ идолами и жрецы, которые приносятъ имъ жертвы. Храмы строятся по большей части въ уединенныхъ мѣстахъ,—на моги-

лахъ знатныхъ людей, а иногда и на водѣ на сваяхъ.

Полинезійцы вѣрятъ, что особые боги живутъ надъ землей, подъ землей, въ морѣ и пр. Они разсказываютъ, что прежде небо было соединено съ землею, но сынъ неба и земли захотѣлъ разлучить ихъ и уперся головою въ землю, а ногами въ небо и такимъ образомъ раздвинулъ ихъ; послѣ того онъ сдѣлался богомъ лѣсовъ. Другіе ду-

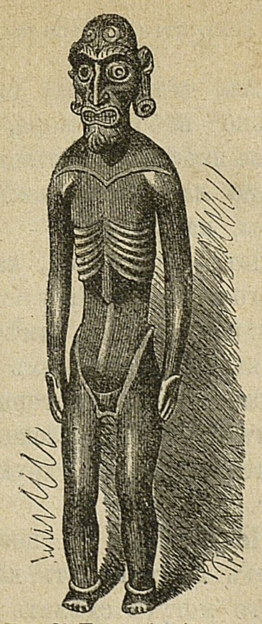

Рис. 26. Полинезійскій идолъ.

*

маютъ, что прежде было только небо и море, но одинъ изъ боговъ вытащилъ землю изъ воды, вмѣсто рыбы, на удочкѣ.

Изъ этого видно, какъ много воображенія у полинезійцевъ. Оно замѣтно и въ ихъ пѣсняхъ и сказкахъ, въ которыхъ трогательно разсказывается о любви, дружбѣ и т. п.

Полинезійцы позволяютъ намъ понять, какъ много могутъ сдѣлать ди-

кіе люди, не знающіе металловъ и незнакомые съ образованными народами, если жизнь ихъ не слишкомъ тяжела, и они могутъ отдавать свое время искусству, пѣнію, музыкѣ и т. п. Полинезійцы больше другихъ дикарей знаютъ объ океанѣ, на которомъ они живутъ, и о звѣздахъ, которыя на своемъ ясномъ небѣ они видятъ каждую ночь. По звѣздамъ они умѣютъ находить дорогу на море въ

ночное время, а ближайшіе къ нимъ острова знаютъ такъ хорошо, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ начертить довольно правильную карту, на которой видно и расположеніе и разстояніе этихъ острововъ. Теперь на островахъ Полинезіи поселились европейцы. Полинезійцы долго не хотѣли имъ покоряться, и много ихъ погибло въ этой борьбѣ, но въ настоящее время они принимаютъ

христіанство, учатся въ европейскихъ школахъ и занимаются различными ремеслами и торговлей.

VI.

Дикари съ мѣднымъ оружіемъ.

На материкѣ Америки, къ востоку отъ полинезійскихъ острововъ, живутъ многочисленныя племена индѣйцевъ. Они отчасти сходны по наружному виду съ полинезійцами, такъ какъ они одной крови съ ними и отличаются отъ нихъ только красноватымъ

цвѣтомъ кожи, орлинымъ носомъ и жесткими прямыми волосами. Индѣйцевъ можно назвать настоящими охотниками. Въ этой части свѣта живетъ много крупныхъ звѣрей: тамъ водятся дикіе буйволы, ягуары, замѣняющіе тамъ тигровъ, кайманы, тамошніе крокодилы, и проч., Поэтому отъ охотника тамъ требуется много смѣлости и выносливости. Индѣйцы— дѣйствительно очень храбрые люди и на охотѣ, и

на войнѣ. Они охотились всегда съ каменнымъ оружіемъ, копьями, стрѣлами съ каменными наконечниками и топорами съ каменными лезвіями. Но на самомъ сѣверѣ Америки они открыли мѣдную руду и выучились ковать ее холоднымъ способомъ, т. е. не расплавляя и не размягчая ее въ огнѣ. Каменными молотами они придавали ей форму наконечника копья или стрѣлы. Два народа изъ числа

ихъ дошли до образованности и выдѣлывали не только мѣдныя, но и золотыя вещи,—и это потому, что они жили въ высокихъ, прохладныхъ мѣстахъ, гдѣ можно было сѣять хлѣбъ и разводить тамошнихъ животныхъ, пригодныхъ для этой цѣли, ламу и вигонь, похожихъ на крупныхъ овецъ. Но сѣверо-американскіе индѣйцы, открывшіе мѣдную руду, остались такими же дикарями, какими и были.

До прихода европейцевъ они жили въ шалашахъ изъ березовой коры, похожихъ съ виду на сахарную голову. На зиму шалаши прикрывались шкурами буйволовъ или медвѣдей. Нѣкоторыя племена, впрочемъ, строили себѣ зимнія жилища изъ деревянныхъ брусьевъ вродѣ нашихъ домовъ. Индѣйцы, жившіе у берега моря или на небольшихъ рѣкахъ, кромѣ охоты, занимались и рыбной ловлей,—а тѣ, кото-

рые жили внутри страны, питались только мясомъ буйволовъ, лѣсными плодами и ягодами. Какъ всѣ охотничьи народы, они отличались чрезвычайною остротою зрѣнія. Одинъ путешественникъ разсказываетъ о нихъ, что они видятъ простыми глазами лучше, чѣмъ мы въ хорошій бинокль. Они никогда не заблудятся въ лѣсу. Каждое дерево, каждый кустъ служитъ для нихъ примѣтою; днемъ они на-

ходятъ дорогу по лишаямъ на деревьяхъ, по направленію сугробовъ снѣга, по вѣтру, а ночью—по звѣздамъ.

Индѣйцы Сѣверной Америки охотились большими партіями за дикими буйволами, за бизонами, которые жили прежде на тамошнихъ обширныхъ лугахъ огромными стадами. Не смотря на то, что они знали мѣдь, нидѣйцы все-таки пользовались каменнымъ оружіемъ, въ видѣ

стрѣлъ и копій, топоровъ и ножей. У нихъ было и костяное оружіе; такъ, они обдѣлывали медвѣжью челюсть въ дерево, и это замѣняло имъ ножъ. Палицы у нихъ были изъ дерева, четвероугольныя, съ утолщеніемъ на обоихъ концахъ. Копье было самымъ распространеннымъ оружіемъ, съ костяными или кремневыми наконечниками; послѣдніе дѣлались изъ обтесаннаго камня, отбитаго очень мел-

кими осколками. Нѣкоторыя племена особенно славились выдѣлкой каменныхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ, и у нихъ были цѣлыя мастерскія для этихъ издѣлій. Другія занимались изготовленіемъ луковъ и стержней для стрѣлъ изъ особенно крѣпкаго дерева, вродѣ желѣзнаго дерева въ Африкѣ. Для наконечниковъ шли у нихъ въ дѣло, кромѣ кремня, и яшма, и кварцъ, и даже горный хрусталь.

Индѣйцы и теперь еще не отстали отъ лука и стрѣлъ, хотя наконечники ихъ уже дѣлаютъ изъ желѣза. Индѣйцы концы стрѣлъ намазывали ядомъ, растительнымъ или животнымъ, иногда очень сильнымъ. Въ числѣ этихъ ядовъ былъ стрихнинъ и урари, которые могли причинять мгновенную смерть. Они умѣютъ находить корни этихъ растеній, вымачиваютъ ихъ въ водѣ и затѣмъ выжимаютъ изъ нихъ ядо-

витый сокъ. Боевые топоры ихъ (томогауки) дѣлались изъ шлифованнаго камня и крѣпко привязывались къ рукояткѣ веревками, скрученными изъ волоконъ нѣкоторыхъ растеній. Въ сраженіи они употребляли щиты, около аршина въ поперечникѣ, изъ бычачьей кожи.

Каменными топорами, съ помощью огня, они валили большія деревья, расщепляли ихъ и изъ досокъ дѣлали лодки, ру-

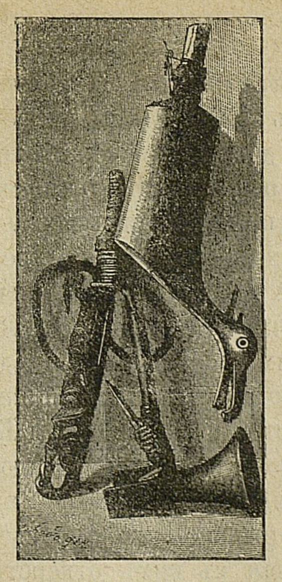

Рис. 27. Трещотки сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.

коятки и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ были искусны въ деревянной рѣзьбѣ; это въ особенности можно сказать о тлинкитахъ или колошахъ, живущихъ въ прежнихъ русско-американскихъ владѣніяхъ. Колоши и ихъ сосѣди искусно дѣлаютъ различныя вещи изъ кости. Такъ, индѣйцы Колумбіи изъ костей дѣлаютъ флейты, срѣзывая ихъ сверху и снизу и просверливая въ нихъ отверстія. У нихъ мы можемъ видѣть,

Рис. 28. Топоръ, маски и палицы сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.

какъ наши предки выдѣлывали свое каменное оружіе. Тонкіе оконечники стрѣлъ изъ кремня или яшмы дѣлаются не только отбиваніемъ мелкихъ осколковъ другимъ камнемъ, но и надавливаніемъ деревянной или костяной палочкой. Отверстія просверливаются костяными или деревянными трубочками. Индѣйцы умѣютъ полировать даже очень твердый камень; полировка эта такъ хороша, что даже

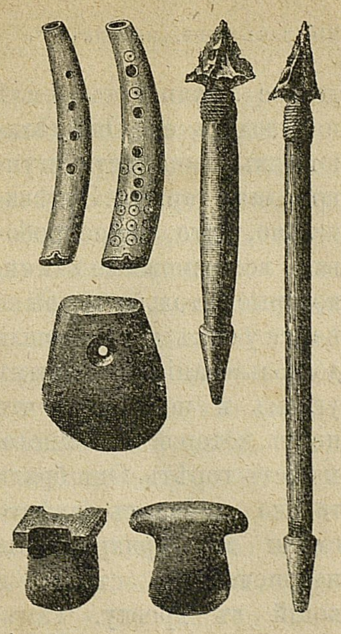

Рис. 29. Каменное оружіе и костяныя вещи индѣйцевъ.

долгое лежанье въ землѣ не сводитъ ея. Они дѣлаютъ изъ камня песты, ступки и даже горшки. Замѣчательно, что, перепробовавъ всевозможные камни, которые только можно найти у нихъ, они не дошли до пользованія каменнымъ углемъ и не знали, что нефть, которой тамъ много, можетъ горѣть. Они брали только асфальтъ вмѣсто смолы для прикрѣпленія наконечниковъ стрѣлъ и копій къ древку. Тамъ,

гдѣ не было камня, удобнаго для топоровъ и другихъ орудій, они замѣняли его раковинами. Раковины у нихъ служили и сосудами для питья.

Индѣйцы знали и глину и приготовляли изъ нея горшки, блюда, чашки и т. п. съ довольно затѣйливыми рисунками. Ихъ сосуды имѣли, по большей части, форму тыквы, которая, вѣроятно, послужила для нихъ образцомъ. Горшки у нихъ были не му-

равленные, но они покрывали ихъ какимъ-то чернымъ смолистымъ веществомъ, придававшимъ имъ блескъ. Впрочемъ, не всѣ ихъ племена умѣли дѣлать горшки, и не во всѣхъ мѣстахъ встрѣчалась горшечная глина. Нѣкоторыя изъ нихъ продолжали нагрѣвать воду къ мѣхахъ, посредствомъ раскаленныхъ камней.

Хлопчатникъ былъ туземнымъ американскимъ растеніемъ, и индѣйцы

умѣли прясть хлопокъ веретенами изъ камня или глины и изъ волоконъ его плести циновки, сучить веревки и даже ткать грубыя матеріи. Они умѣли ткать и изъ волоконъ сосновой коры, которую раскалачивали такъ, что она дѣлалась похожею на пеньку. У нихъ были и ткани, приготовлявшіяся изъ шерсти лисицъ. Мѣхъ игралъ важную роль въ ихъ одеждѣ, и они умѣли дѣлать шкуры мягкими и гибкими, остав-

ляя на нихъ волосъ. Индѣйцы любили держать у себя животныхъ, которыхъ брали на охотѣ еще дѣтенышами или птенцами и воспитывали въ своихъ хижинахъ. Но они не дошли до прирученія буйволовъ и бизоновъ и изъ полезныхъ животныхъ держали только собакъ, кошекъ и свиней, а также куръ и утокъ. Индѣекъ, которыя происходятъ изъ Америки, домашними животными сдѣлали уже обра-

зованные мексиканцы. До прихода европейцевъ у индѣйцевъ не было лошадей, но когда они ознакомились съ лошадью, они стали разводить ее большими табунами и сдѣлались превосходными наѣздниками.

Нѣкоторыя индѣйскія племена дошли до земледѣлія и сѣяли маисъ, растеніе вродѣ нашей кукурузы, принадлежащее къ числу тамошнихъ растеній. За земледѣліе они брались, по большей части, тогда,

когда охота становилась менѣе прибыльной, потому что стада бизоновъ уменьшались. Индѣйцы съ особенной любовью, даже нѣжностью относились къ маису, называя его „старикомъ, который никогда не умираетъ“. Маисовыя зерна они толкли въ ступкахъ и дѣлали изъ нихъ прѣсныя лепешки. Земледѣльческимъ орудіемъ служила у нихъ простая заостренная палка или деревянная мотыка.

Индѣйцы ѣдятъ мясо, слегка поджаренное или прокопченное. Они не откусываютъ его, а отрываютъ руками небольшія волокна и кладутъ ихъ въ ротъ. Лѣвая рука служитъ имъ вмѣсто тарелки, причемъ между четвертымъ пальцемъ и мизинцемъ правой руки они держатъ кусочекъ маисовой лепешки, замѣняющей у нихъ хлѣбъ, а между большимъ и указательнымъ пальцами — кусочекъ мяса.

Высушенное буйволовое мясо они иногда толкутъ и смѣшиваютъ съ топленымъ саломъ. Запасы ихъ состоятъ изъ сушенаго мяса и маиса.

Индѣйцы еще до прибытія европейцевъ умѣли приготовлять опьяняющіе напитки изъ плодовъ пальмы, маиса и банановъ. Они придумали и курить, и жевать, и нюхать табакъ, который сперва росъ только въ Америкѣ.

У индѣйцевъ мы можемъ

видѣть, въ какой опасности приходится иногда жить дикимъ людямъ. Племена ихъ часто находятся во враждѣ, и каждый ежеминутно долженъ бояться нападенія непріятелей. Кромѣ мелкихъ грабежей, индѣйцы предпринимаютъ и настоящіе походы въ непріятельскія области. Передъ этимъ они отправляютъ пословъ для объявленія войны или просто втыкаютъ стрѣлы на границахъ владѣній своихъ

враговъ. У нихъ всегда есть военный вождь, который принимаетъ начальство надъ всѣми воинами и требуетъ отъ нихъ безпрекословнаго повиновенія. Передъ выступленіемъ въ походъ бываетъ собраніе, на которомъ знахари гадаютъ — будетъ ли онъ удаченъ или неудаченъ. Затѣмъ происходитъ военный танецъ, причемъ всѣ участники похода одѣты въ военные доспѣхи. Головы воиновъ украшены

Рис. 30. Вождь сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.

*

орлиными перьями. Лица ихъ раскрашены полосами краснаго и синяго цвѣта, а кожанныя одежды разноцвѣтными лоскутками. Танецъ происходитъ ночью при свѣтѣ костра, вокругъ котораго воины кружатся, подзадоривая себя пѣснями и потрясая топорами.

Война ведется по большей части въ видѣ тайныхъ, неожиданныхъ нападенiй. Какъ скоро она объявлена, на врага позволяется нападать нев-

значай, и ночью, и т. п. Война бываетъ иногда очень продолжительна и захватываетъ большія области. Многія племена находятся въ постоянномъ союзѣ между собою и выступаютъ вмѣстѣ противъ непріятельскихъ племенъ, у которыхъ есть также свои союзники. Когда какая нибудь сторона потеряла много изъ своихъ убитыми и плѣнными и у нея отнято много имущества, она проситъ мира у

побѣдителей. Миръ дается на извѣстныхъ условіяхъ, иногда довольно унизительныхъ; такъ, побѣжденные въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязаны работать на своихъ повелителей или платить имъ дань.

Друзьямъ и союзникамъ индѣйцы всегда рады и ничего не жалѣютъ, когда тѣ приходятъ къ нимъ въ гости. Въ извѣстные дни, когда оканчиваются тяжелыя работы, когда поспѣваетъ хлѣбъ, когда пока-

зывается много дичи или когда начинаетъ прибавляться зимній день, цѣлое племя или даже нѣсколько дружественныхъ племенъ сходятся, чтобы праздновать эти счастливыя событія. Главнымъ увеселеніемъ этихъ празднествъ служатъ танцы. И для нихъ индѣйцы надѣваютъ разноцвѣтныя платья и расписываютъ себѣ лица синими или красными, желтыми или черными полосами. У нѣкоторыхъ

племенъ танцы превращаются въ настоящія представленія: пляшущіе изображаютъ охоту, войну или играютъ роль тюленей, медвѣдей и т. п. Любовь къ представленіямъ доходитъ у нихъ до того, что они надѣваютъ маски, въ видѣ человѣческихъ лицъ, птичьихъ и звѣриныхъ головъ. Гостей угощаютъ мясомъ и тамошними крѣпкими напитками. Такія же собранія устраиваются и отдѣльными семьями по

случаю рожденія ребенка или свадьбы. Хозяева иногда при этомъ не только обильно угощаютъ гостей, но и дѣлаютъ имъ подарки.

Эти собранія имѣютъ отчасти религіозный характеръ: они сопровождаются различными обрядами, въ которыхъ главную роль играетъ жрецъ или знахарь. Таковъ, напримѣръ, праздникъ добыванія новаго огня. Передъ нимъ индѣйцы въ теченіе двухъ дней ничего

не ѣдятъ. На третій день они подкрѣпляются пищей и передъ захожденіемъ солнца собираются вокругъ знахаря, который торжественно третъ одинъ кусокъ дерева о другой, пока одинъ изъ нихъ не загорится. Когда показывается огонь, всѣ изъявляютъ радость: онъ считается очистительнымъ и избавляетъ отъ наказанія всѣхъ преступниковъ, кромѣ убійцъ. Его ставятъ по серединѣ собранія въ глиняномъ гор-

шкѣ на жертвенникъ. Жрецъ льетъ туда „черный напитокъ“, приготовляемый изъ какого-то растенія, и приноситъ свѣжіе полевые плоды, обмазанные медвѣжьимъ жиромъ, въ жертву духу огня. Каждая хозяйка беретъ уголья въ свой горшокъ и уноситъ ихъ домой, чтобы зажечь отъ нихъ огонь на своемъ очагѣ. Еще нѣсколько дней послѣ того индѣйцы ходятъ въ гости другъ къ другу съ пѣснями и плясками.

Какъ у всѣхъ дикихъ народовъ, женщинѣ у индѣйцевъ приходится исполнять много тяжелой работы. Мужчина занимается войной, охотой, которыя считаются главными почетными занятіями его, а въ мирное или зимнее время, когда нельзя охотиться, — постройкою домовъ и лодокъ и приготовленіемъ оружія. Женщины обрабатываютъ поле, собираютъ плоды и коренья въ лѣсу, обдѣлыва-

ютъ кожи и лѣпятъ глиняную посуду. При переходѣ на другое мѣсто, всю утварь должны тащить на себѣ женщины; въ ихъ работахъ имъ помогаютъ только мальчики и старики. Надо, впрочемъ, сказать, что индѣйцамъ, которые прокармливаются охотой, достается не мало труда. Имъ иногда приходится въ одинъ день выхаживать верстъ 40—50, по большей части, не ѣвши, и тащить на плечахъ тяжелую

добычу. Зато по возвращеніи домой они отдыхаютъ, а женщины трудятся съ утра до поздней ночи, не говоря уже объ уходѣ за дѣтьми, которыхъ отецъ вовсе не касается, пока они малы.

Земля, на которой живетъ индѣецъ, считается принадлежащей всему племени, которое на ней охотится, сѣетъ хлѣбъ и защищаетъ ее отъ непріятелей. Собственность каждаго человѣка составляютъ

только его оружіе, утварь, одежда, хижина и т. под. Но и этимъ онъ обязанъ дѣлиться съ неимущими, больными или сиротами. Вообще члены племени всячески поддерживаютъ другъ друга и никогда не оставляютъ въ нуждѣ тѣхъ, кому требуется помощь. Съ этою цѣлью у нѣкоторыхъ племенъ есть даже общественныя житницы.

Каждое племя состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ,

причемъ всѣ, принадлежащіе къ одному роду, считаются родственниками, потомками одного предка. Вслѣдствіе того, мужчины и женщины одного рода не могутъ вступать въ бракъ между собою. У каждаго рода есть свой гербъ, или символъ, заключающійся въ изображеніи какого-нибудь животнаго. Роды называются по именамъ этихъ животныхъ—орла, медвѣдя, кита, волка, ворона, лягушки и т. под.

Каждый считается принадлежащимъ къ роду матери, а не отца, а такъ какъ нельзя жениться на дѣвушкѣ изъ своего рода, то мужъ и жена всегда бываютъ разныхъ родовъ. Въ случаѣ смерти отца, покровителемъ и опекуномъ дѣтей бываетъ не его братъ, а братъ матери.

Впрочемъ, власть начальника племени переходитъ обыкновенно къ его сыну или зятю. У другихъ племенъ должность началь-

ника бываетъ выборною. Бо̀льшее или меньшее значеніе его зависитъ отъ ума, твердости характера и мужества. Нерѣдки случаи, когда слабый начальникъ свергается храбрымъ или сильнымъ, который вызываетъ его на единоборство, побѣждаетъ и занимаетъ его мѣсто. У большихъ племенъ бываютъ и помощники начальниковъ, которые должны исполнять его приказанія, но во многихъ случаяхъ распоряжаются

по своему. Непослушныхъ начальникъ имѣетъ право наказывать, приговаривая ихъ къ ударамъ палкою и къ лишенію имущества. Недовольные имъ обыкновенно уходятъ изъ деревни и присоединяются къ другимъ дружественнымъ племенамъ. Самой большой властью начальники пользуются у воинственныхъ племенъ. У племенъ болѣе мирныхъ они наблюдаютъ за порядкомъ на охотѣ и рыбной ловлѣ, при по-

стройкѣ хижинъ, обработкѣ полей и т. под. Для этой цѣли они выбираются не столько изъ числа храбрыхъ людей, сколько хорошихъ охотниковъ или хозяевъ. Живутъ они немногимъ лучше обыкновенныхъ индѣйцевъ,—только домъ ихъ нѣсколько больше, и поле обширнѣе; но за это они должны принимать и угощать туземцевъ и справлять праздники богаче своихъ подчиненныхъ. Начальникъ нака-

зываетъ за небольшіе проступки и преступленія, но въ важныхъ случаяхъ, когда полагается смертная казнь или лишеніе всего имущества, онъ не можетъ этого сдѣлать безъ согласія народнаго собранія. Въ народномъ собраніи участвуютъ всѣ свободные люди племени, способные носить оружіе, т. е. воевать. Всѣ сходятся вокругъ горящаго костра и при этомъ совершаютъ какіе-то обряды, о которыхъ не го-

ворятъ постороннимъ лицамъ. Участники стоятъ вокругъ огня или окружаютъ его, сидя на корточкахъ. Начальникъ племени начинаетъ говорить первый, затѣмъ продолжаетъ кто-нибудь изъ стариковъ или наиболѣе уважаемыхъ людей. Индѣйцы говорятъ долго и краснорѣчиво. Собраніе соглашается съ тѣмъ, кто умѣетъ лучше убѣдить его, и по большей части постановляетъ свой приговоръ единогласно.

Индѣйцы давно уже живутъ въ этой части свѣта, и никто не знаетъ съ точностью, откуда они пришли туда. Надо думать, что они пришли изъ Азіи, но трудно сказать, когда именно. Извѣстно, что они жили уже тамъ, когда въ Европѣ еще было жарко и потомъ, когда она была покрыта льдами. Изъ старинныхъ кургановъ Америки выкапываютъ черепа и различныя вещи, которыя показываютъ, что тогдашніе

жители этой части свѣта умѣли дѣлать почти то же, что и теперь. Тамъ находятъ, напр., глиняныя трубки, изображающія головы, довольно хорошей работы, находятся топоры, наконечники стрѣлъ, вродѣ тѣхъ, которые употребляются индѣйцами настоящаго времени. Но такихъ кургановъ, въ какихъ отыскиваются эти вещи, индѣйцы уже больше не дѣлаютъ. Эти курганы, иногда очень большіе, имѣютъ форму

животныхъ, чего мы не находимъ нигдѣ больше

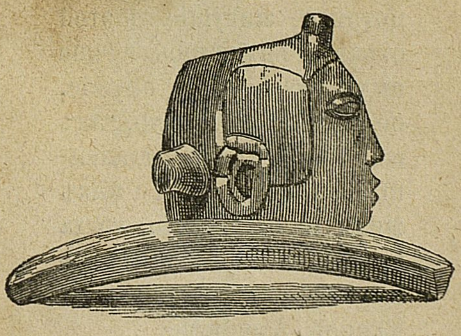

Рис. 31. Глиняная фигура изъ древняго кургана.

въ другихъ частяхъ свѣта. Въ Южной Америкѣ находятъ и пещеры со

слѣдами обитателей древняго каменнаго вѣка. Ихъ потомки, живущіе въ этой странѣ, научились лучше выдѣлывать свое оружіе, но живутъ, вѣроятно, такъ же, какъ и ихъ отдаленные предки, или какъ жили наши предки, когда въ Европѣ было такъ же жарко, какъ теперь въ Южной Америкѣ.

Изъ всѣхъ индѣйскихъ народовъ только два достигли образованности: это были мексиканцы, жившіе

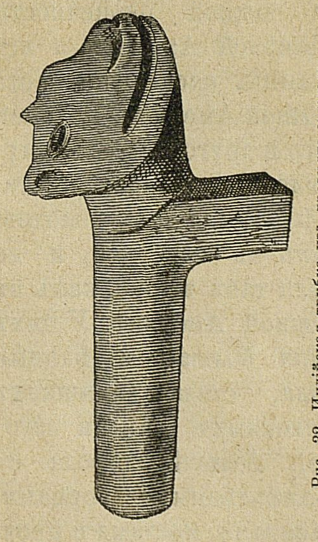

Рис. 32. Индійская трубка изъ древняго кургана.

на южной оконечности Сѣверной Америки, и перуанцы, населявшіе часть Южной Америки. Родиной того и другого народа служили возвышенныя мѣста, гдѣ не было такъ холодно, какъ въ Сѣверной, и не было такъ жарко, какъ въ Южной Америкѣ. У нихъ были большія засѣянныя поля, стада домашнихъ животныхъ (ламы и вигони), большіе города съ великолѣпными дворцами, каналами, мостами и проч.

Кромѣ мѣдныхъ и бронзовыхъ вещей, они умѣли приготовлять и вещи изъ золота, котораго у нихъ было много. Своимъ божествомъ они считали солнце, и изображеніемъ его служилъ большой золотой кругъ, въ которомъ отражались солнечные лучи при его восходѣ. Но когда европейцы пришли въ Америку, эти царства пали. Это были воинственные и жестокіе народы, приносившіе человѣческія

жертвы и державшіе въ строгомъ подчиненіи многія подвластныя племена. Когда явились бѣлые завоеватели, эти племена вступили въ союзъ съ ними и помогли имъ покорить своихъ притѣснителей. Съ тѣхъ поръ слава Мексики и Перу затмилась, и повелителями этихъ странъ сдѣлались испанцы.

И жители Сѣверной Америки, славившіеся своей храбростью на войнѣ, понемногу должны были

уступать свои владѣнія другимъ бѣлымъ завоевателямъ — англичанамъ. Англичане часто поступали съ ними несправедливо и вытѣсняли ихъ въ дальнія и гористыя области, гдѣ трудно кормиться дикому охотнику. Хоть нынѣшнее сѣверо-американское правительство поддерживаетъ ихъ, давая имъ деньги и продовольствіе, но индѣйцевъ теперь уже немного, и они уже не тѣ, какими были прежде.

Нужно заѣхать очень далеко на западъ Америки, чтобы увидѣть индѣйцевъ, какими они были въ старину и какими были наши предки послѣ ледяного времени, когда они по образу жизни во многомъ были похожи на индѣйцевъ.

